ЯЯ64.3 242 212

Матеріалы Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія по укрѣпленію трезвости.

284 351.76

Д. Н. Вороновъ.

ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ ВЪ ДНИ ТРЕЗВОСТИ

(ПО ДАННЫМЪ ЗЕМСКИХЪ и ДРУГИХЪ АНКЕТЪ).

Доклады, прочитанные въ мартѣ 1916 г. въ засѣданіяхъ Комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ при Русскомъ Обществѣ охраненія народнаго здравія.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1916.

Инв 33441
Сам. Губ. Цент. Биб-ка им. Октябрьск. революции
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1455887
СРЕДНЕ-ВОЛЖСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
№
(единой библсети)

Жизнь деревни въ дни трезвости.

(По даннымъ земскихъ и другихъ анкетъ).

I.

День 30 января 1914 года, когда послѣдовалъ Высочайшій Рескриптъ на имя Министра Финансовъ, коимъ забота о народномъ отрезвленіи поставлена въ рядъ первостепенныхъ государственныхъ задачъ и указано на необходимость изысканія другихъ государственныхъ доходовъ, взамѣнъ питейныхъ поступленій,—открываетъ новую эру въ исторіи борьбы съ пьянствомъ.

Съ этого времени устранено главнѣйшее препятствіе на пути насажденія трезвости—неизбѣжность зависимости нашего бюджета отъ налога на потребляемый населеніемъ алкоголь—благодаря чему общество получило возможность широко развить свою работу по искорененію все болѣе и болѣе растущаго пьянства. Въ результатѣ поднялась могучая волна трезвеннаго движенія, которая охватила разнообразные слои населенія. Правительственныя учрежденія, духовенство, органы общественнаго самоуправленія, сельскія общества, печать и отдѣльные общественные работники—всѣ откликнулись на злободневный «пьяный вопросъ» и старались принять посильное участіе въ его практическомъ разрѣшеніи. Весьма знаменательно, что въ первые же мѣсяцы эта работа, еще не организованная и не вылившаяся въ опредѣленныя формы, успѣла уже дать ясные благодѣтельные результаты, въ видѣ сокращенія шинкарства и связаннаго съ этимъ паденія потребленія водки [1]).

Такой быстрый успѣхъ общественнаго движенія въ пользу трезвости краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о подготовленности для нея почвы и о возможности достиженія въ этомъ направленіи крупныхъ результатовъ.

Но скоро судьбѣ угодно было встать на путь болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Наступившія грозныя военныя событія выдвинули мысль о необходимости, въ видахъ сохраненія общественнаго спо-

[1]) См. мои статьи—«Изъ итоговъ трезвеннаго движенія»—Вѣст. Пенз. Земства №№ 11 и 15 за 1914 г.

койствія въ тяжелую годину народныхъ испытаній, полнаго устраненія изъ потребленія спиртныхъ напитковъ, каковая мѣра и введена была сначала только на мобилизаціонный періодъ, а затѣмъ распространена на все время военныхъ дѣйствій, съ незначительными изъятіями для торговли виноградными винами и пивомъ въ городахъ.

Такое безпримѣрное въ исторіи героическое средство насажденія трезвости, конечно, должно было имѣть грандіозныя по своей важности послѣдствія, изученіе которыхъ представляло выдающійся интересъ не только для лицъ, спеціально занятыхъ вопросами объ алкоголизмѣ, но и для широкихъ общественныхъ круговъ. Поэтому вскорѣ же послѣ запрещенія питейной торговли многими земскими учрежденіями, органами правительственной власти, различными общественными и научными организаціями были предприняты анкетныя изслѣдованія вліянія этой мѣры на психику и бытъ населенія.

Такъ какъ въ настоящее время уже опубликованы результаты нѣкоторыхъ изъ этихъ изслѣдованій, то является вполнѣ своевременнымъ, даже болѣе того—настоятельно необходимымъ, сопоставить ихъ и нарисовать общую картину тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ жизни населенія, вслѣдствіе изъятія крѣпкихъ напитковъ.

Посильное выполненіе этой задачи и составляетъ цѣль настоящихъ моихъ докладовъ.

Въ основу ихъ положены слѣдующія земскія анкеты:

	Время, къ которому относятся отвѣты корреспонд.	Количество разработанныхъ отвѣтовъ	Кто давалъ отвѣты (въ %).	
			Рядовые крестьяне.	Сельская интеллигенція и администрація.
1) *Пензенская* («Голосъ народа») .	Сентябрь и Октябрь 1914 г.	2.167	84,8	7,7 [1])
2) *Костромская* («Война и Костромская деревня») . .	Съ 1/2 Ноября 1914 г. по 1/2 Января 1915 г.	600	около 50	50

[1]) Остальные 7,5% падаютъ на горожанъ.

	Время, къ которому относятся отвѣты корреспонд.	Количество разработанныхъ отвѣтовъ.	Кто давалъ отвѣты (въ %).	
			Рядовые крестьяне.	Сельская интеллигенція и администрація.
3) *Полтавская*[1] («Какъ повліяло прекращеніе продажи водки на жизнь населенія Полтавской губ.») .	Декабрь 1914 г.	1.800	большинство.	меньшинство.
4) *Харьковская* («Что думаетъ населеніе Харьков. губ. о прекращеніи продажи водки») .	Февраль 1915 г.	736	Корреспонденты текущей земской статистики.	
5) *Екатеринославская* («Екатеринославская деревня послѣ закрытія виноторговли»).	Февраль—Мартъ 1915 г.	1.896	25 (?)	75 (?)[2]
6) *Нижегородская* («Докладъ Губернской Земской Управы очередному Земскому Собранію»)	Осень 1914 г. и весна 1915 г.	932	Корреспонденты текущей земской статистики.	
7) *Московская* уѣздная («Деревня и запрещеніе продажи питей въ Московскомъ уѣздѣ»).	Апрѣль 1915 г.	693	98,5	—

[1]) Изданная работа не представляетъ изъ себя полной сводки всѣхъ полученныхъ сообщеній, а общій обзоръ ихъ; подробную же статистическую разработку Полтавское Земство обѣщало дать въ «Статистическомъ Ежегодникѣ».

[2]) Точнаго подсчета въ анкетѣ не сдѣлано.

*

Всѣ перечисленныя анкеты касаются исключительно сельскаго крестьянскаго населенія, такъ что о вліяніи запрещенія питейной торговли на жизнь различныхъ слоевъ городского населенія и объ отношеніи ихъ къ этой мѣрѣ мы говорить не будемъ, въ виду полнаго отсутствія въ литературѣ до настоящаго времени, насколько намъ извѣстно, соотвѣтственныхъ обслѣдованій. Слѣдуетъ очень пожалѣть, что до сихъ поръ мы еще не знаемъ точно, какъ реагируетъ городъ на изъятіе спиртныхъ напитковъ, какъ переноситъ вынужденное воздержаніе, насколько широко пользуется путями обхода запретительныхъ мѣръ и какъ смотритъ на будущее питейнаго дѣла. Учесть отношеніе горожанъ къ запрету, которое, несомнѣнно, представляетъ свои рѣзкія особенности, безусловно необходимо, какъ для принятія тѣхъ или иныхъ практическихъ мѣръ, въ цѣляхъ поддержанія трезвости въ данный моментъ, такъ еще болѣе—для выясненія шансовъ на успѣхъ запретительной системы въ городахъ и въ будущемъ, съ наступленіемъ нормальныхъ условій нашей жизни.

Замѣчанія по поводу земскихъ анкетъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію анкетныхъ матеріаловъ, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ ихъ. Приведенная выше таблица показываетъ намъ, что:

1) каждая губернія, въ особенности Пензенская, Полтавская и Екатеринославская, представлена довольно большимъ числомъ отвѣтовъ; 2) большинство сообщеній прислано крестьянами, за исключеніемъ Екатеринославской губерніи, гдѣ, впрочемъ, точнаго распредѣленія корреспондентовъ по сословіямъ и профессіямъ не сдѣлано; но и прочія сообщенія принадлежали мѣстнымъ жителямъ — главнымъ образомъ духовенству и учителямъ, т. е. лицамъ, которыя имѣли возможность близко наблюдать происшедшія перемѣны въ жизни народа; 3) отвѣты корреспондентовъ обнимали 5—9-ти мѣсячный періодъ дѣйствія запрета, т. е. такой срокъ, въ теченіе котораго результаты его успѣли уже обнаружиться; только Пензенская анкета относилась къ ближайшему времени послѣ запрета (2 и 3 мѣсяца), но она имѣла цѣлью выяснить, какъ пережило населеніе первый наиболѣе тяжелый періодъ вынужденнаго воздержанія.

Если прибавить къ этому, что корреспонденты всѣхъ губерній проявили выдающійся интересъ къ предпринятому обслѣдованію, дали подробные и обстоятельные отвѣты, то станетъ ясно, что анкетные матеріалы могли правильно освѣтить состояніе трезвой деревни.

Остается только пожалѣть, что нѣкоторыя анкетныя программы (Нижегородская, Костромская) ставили корреспондентамъ мало вопросовъ и они носили слишкомъ общій характеръ, вслѣдствіе чего получались отвѣты, рисующіе положеніе дѣла лишь въ самыхъ

грубыхъ чертахъ. Анкеты, Московская и Харьковская, произведенныя по широкой программѣ, задавались цѣлью получить отъ корреспондентовъ болѣе детальныя сообщенія, изображающія какъ происшедшія со времени запрета измѣненія въ деревнѣ, такъ и картину прежняго потребленія спиртныхъ напитковъ населеніемъ; причемъ онѣ требовали отъ каждаго корреспондента не только общихъ заключеній о жизни даннаго селенія, но и свѣдѣній, касающихся его собственнаго хозяйства. Такіе матеріалы имѣютъ весьма цѣнное значеніе, давая возможность подробнѣе выяснить вліяніе запрета на различныя группы населенія и опредѣлить степень живучести алкогольныхъ привычекъ при тѣхъ или иныхъ бытовыхъ условіяхъ.

Но, къ сожалѣнію, эти богатые матеріалы Московской и Харьковской анкетъ остались мало-использованными. Изъ Харьковскихъ матеріаловъ только незначительная часть была подвергнута систематической разработкѣ, главнымъ образомъ изображающая картину прежней пьяной деревни; трезвый же періодъ лишь иллюстрированъ отзывами корреспондентовъ, причемъ остался неосвѣщеннымъ весьма важный вопросъ о замѣнѣ водки суррогатами. Вообще сводкѣ и сопоставленію матеріаловъ удѣлено недостаточно вниманія.

Московская анкета разработана полнѣе, но и она страдаетъ многими существенными недостатками. Не имѣя возможности останавливаться на нихъ подробнѣе, укажу лишь на главнѣйшіе. Дѣленіе уѣзда на раіоны, положенное въ основу группировки корреспондентскихъ сообщеній, произведено соотвѣтственно высотѣ годовыхъ расходовъ на спиртные напитки, исчисленныхъ каждымъ корреспондентомъ для своей семьи. Изъ нихъ выводился средній расходъ на семью по волости, и волости по этому признаку соединялись въ 4 раіона.

Если принять во вниманіе, что корреспонденты не дали, какъ увидимъ ниже, правильныхъ расчетовъ своихъ алкогольныхъ издержекъ и что пьяный бюджетъ 10—20 семей на волость во всякомъ случаѣ не можетъ характеризовать степень алкоголизаціи цѣлой волости, то легко понять, насколько ненадеженъ былъ признакъ, по которому устанавливались раіоны.

Затѣмъ, весьма важный вопросъ и мало разработанный въ алкогольной литературѣ—о характерѣ деревенскаго потребленія до запрета—освѣщенъ въ анкетѣ очень несовершенно: дѣленіе потребленія на случайное, «*частое*» (?) и «*регулярное*» — не понятно; къ *регулярному* потребленію неправильно причислялось затяжное пьянство и форменное пропойство (см. стр. 25 и 26); данныя, характеризующія потребленіе одного изъ членовъ семьи—корреспондента, распространялись на всю семью и сопоставлялись съ общимъ семейнымъ расходомъ на спиртные напитки (см. стр. 22 и 23) и пр.

Но всѣ отмѣченные недостатки, конечно, не лишаютъ разсматриваемыхъ анкетъ ихъ крупнаго значенія, въ смыслѣ показательности результатовъ запрета; они лишь не позволяютъ использовать всѣ корреспондентскія сообщенія для болѣе детальнаго освѣщенія вопросовъ о потребленіи алкоголя и отношенія различныхъ группъ населенія къ запрету. Надо признать, что производство подобныхъ анкетъ и обработка громоздкаго матеріала въ условіяхъ военнаго времени, при перегруженности земскихъ учрежденій огромной работой, вызванной исключительными обстоятельствами, возлагали на обязанность статистическихъ отдѣленій слишкомъ тяжелую задачу. Тѣмъ большая съ ихъ стороны заслуга, что они не прошли мимо грандіозной реформы и постарались освѣтить ея послѣдствія. Слѣдуетъ только пожелать, чтобы они еще разъ вернулись, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій для работы, къ собраннымъ матеріаламъ, использовали ихъ полнѣе, памятуя, что производимый Россіей въ настоящее время опытъ введенія запретительной системы имѣетъ міровое значеніе. Всѣ страны съ глубокимъ интересомъ слѣдятъ за результатами рѣшительной борьбы съ пьянствомъ, объявленной въ Россіи; заграничная пресса отмѣчаетъ появляющіяся у насъ литературныя работы по этому предмету, посылаетъ въ Россію спеціальныхъ корреспондентовъ для изученія успѣховъ трезвости, обращается съ особыми запросами къ общественнымъ учрежденіямъ. Несомнѣнно, нашъ опытъ долженъ дать цѣнныя указанія для разрѣшенія алкогольной проблемы и въ другихъ странахъ.

Въ заключеніе нельзя не указать на одинъ весьма существенный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о результатахъ запрета. Мы уже можемъ учесть плоды его, но не знаемъ точно, насколько растетъ успѣхъ трезвости съ теченіемъ времени, завоевываетъ ли запретъ все большія и большія симпатіи населенія или же его благотворное вліяніе ослабѣваетъ, вслѣдствіе все усиливающагося распространенія суррогатовъ спиртныхъ напитковъ.

Для выясненія этого, слѣдовало бы включать въ анкетныя программы рядъ соотвѣтственныхъ вопросовъ или же, не ограничиваясь однократнымъ производствомъ анкеты въ данной мѣстности, повторять ее чрезъ извѣстный періодъ времени. Къ сожалѣнію, такихъ повторныхъ анкетъ мы не имѣемъ до сихъ поръ. Правда, Нижегородское Губернское Земство дважды опрашивало своихъ корреспондентовъ—осенью 1914 г. и весною 1915 г., но полученные отвѣты не были разработаны отдѣльно, а включены въ общій подсчетъ и потому нельзя было опредѣлить, какія измѣненія произошли въ Нижегородской губерніи въ положеніи трезвости въ теченіе этого періода.

Перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію земскихъ анкетъ и остановимся прежде всего на Пензенской, которая рѣзко отличается отъ другихъ по своей программѣ.

II.

Какъ деревня переносила воздержаніе.

Въ то время, какъ прочія анкеты имѣли въ виду нарисовать общую картину происшедшихъ, благодаря запрету, измѣненій въ жизни деревни, Пензенская ставила себѣ главною цѣлью выясненіе, насколько легко или тяжело переносили вынужденное воздержаніе различныя группы потребителей спиртныхъ напитковъ въ первый періодъ запрета. Поэтому она требовала отъ каждаго опрашиваемаго, во-первыхъ, описанія характера своего потребленія до запрета [1]), а во-вторыхъ, отвѣта на слѣдующіе главнѣйшіе вопросы: какъ онъ переносилъ воздержаніе, привыкъ ли къ нему, какія испытывалъ послѣдствія, не прибѣгалъ ли къ суррогатамъ спиртныхъ напитковъ и желаетъ ли сохраненія запрета навсегда [2]).

Эта анкета, первая изъ земскихъ по времени и по количеству отвѣтовъ, была произведена, по выработанной мною программѣ, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1914 г., т. е. въ такое время, когда отсутствіе спиртныхъ напитковъ должно было особенно остро чувствоваться населеніемъ. Съ 17 іюля была прекращена въ Пензенской губ. всякая питейная торговля и она уже не возобновлялась, такъ что время призыва запасныхъ, отправки ихъ въ города и затѣмъ на театръ военныхъ дѣйствій должно было протекать въ атмосферѣ полной трезвости. Если принять во вниманіе, что обычный рекрутскій наборъ всегда сопровождался въ деревняхъ усиленнымъ пьянствомъ, то легко понять, насколько трудно было переносить воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ при неожиданно объявленной мобилизаціи и массовомъ заборѣ запасныхъ на войну въ самый разгаръ полевыхъ работъ. Кромѣ того, мѣсяцы сентябрь и октябрь являются максимальными по потребленію вина въ сельскихъ мѣстностяхъ, благодаря наступленію періода свадьбъ и праздниковъ. Итакъ, потребителямъ приходилось уже два мѣсяца выдерживать полное воздержаніе въ наиболѣе критическій періодъ, особенно благопріятствовавшій пьянству.

Какъ же они относились къ этому? Неужели въ состояніи были сразу измѣнить своимъ привычкамъ, воспитаннымъ вѣками?

Конечно, принудительная трезвость должна была переноситься неодинаково различными группами потребителей. Разсмотримъ эти группы и количество отвѣтовъ, падающихъ на каждую изъ нихъ.

---

[1]) Опросный листокъ намѣчалъ 8 потребительскихъ группъ, къ одной изъ которыхъ долженъ былъ причислить себя опрашиваемый.

[2]) Наряду съ этими общими вопросами были помѣщены въ листкѣ и болѣе детальные.

	Число отвѣтовъ въ %%.	
1. Совсѣмъ не потребляли вина	5,	10,1
2. Почти совсѣмъ не потребляли	5,1	
Потребляли только по обычаю: на праздникахъ, свадьбахъ, при пріемѣ гостей, при имущественныхъ сдѣлкахъ и проч. (бытовой алкоголизмъ), при этомъ:		
3. Допьяна не напивались никогда	4,8	51,1
4. Допьяна напивались изрѣдка	32,0	
5. Допьяна напивались нерѣдко	14,3	
6. Потребляли регулярно (ежедневно по $^1/_{100}$—$^1/_{40}$ в.) и напивались рѣдко	4,6	4,6
Алкоголики:		
7. Пили постоянно, когда имѣли деньги и напивались нерѣдко	12,8	34,2
8. Пили почти ежедневно допьяна (по $^1/_{40}$—$^3/_{20}$ в.)	21,4	

Такимъ образомъ $^1/_3$ часть отвѣтовъ приходится на долю настоящихъ алкоголиковъ. Такое распредѣленіе потребительскихъ группъ, конечно, вовсе не типично для деревни. Въ Пензенской губ. деревенскихъ алкоголиковъ менѣе 1% всего сельскаго населенія обоего пола и всѣхъ возрастовъ [1]). Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что почти всѣ отвѣты принадлежали потребителямъ мужчинамъ въ возрастѣ свыше 18 лѣтъ (отъ болѣе молодыхъ получено лишь 12 отвѣтовъ). Слѣдовательно, на анкету особенно охотно откликнулись лица, страдающія алкоголизмомъ въ наиболѣе тяжелой формѣ, для которыхъ вынужденное воздержаніе было весьма чувствительно.

Что касается распредѣленія отвѣтовъ по возрастнымъ группамъ, то и въ этомъ отношеніи анкета представляетъ исключительные результаты. Вслѣдствіе призыва въ войска запасныхъ болѣе молодого возраста, преобладающее число отвѣтовъ падаетъ на великовозрастныя группы; такъ, на возрастъ 26—40 лѣтъ—37,5% отвѣтовъ, 41—60 лѣтъ—47,3%, 61 и свыше лѣтъ—5,7%. Это обстоятельство также повышаетъ показательность анкеты, такъ какъ она даетъ отзывы болѣе пожилой части населенія, слѣдовательно, болѣе сознательные и продуманные.

---

[1]) См. мою работу «Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ въ связи съ бытомъ населенія» изд. 1913 г.

Главная масса деревенскихъ отвѣтовъ (68%) падаетъ на крестьянъ-земледѣльцевъ, 12% на деревенскихъ мастеровыхъ, 8% на чернорабочихъ и остальные 12% на другія профессіи: сельскихъ писарей, учителей, духовенство, торговцевъ и др. Такимъ образомъ, анкета охватила всѣ слои деревенскаго населенія.

Какъ же отнеслась къ запрету каждая изъ перечисленныхъ выше группъ потребителей?

Группы.	Переносили воздержаніе. Легко.	Съ трудомъ. (Въ %% къ отвѣтамъ данной группы).
1	Не пили и раньше.	—
2	97	3
3	88	12
4	88	12
5	79	21
6	65	35
7	39	61
8	29	71
Въ общемъ	65	35

Изъ этой таблицы видно, что чѣмъ сильнѣе алкоголизація группы, тѣмъ труднѣе она осваивалась съ отсутствіемъ крѣпкихъ напитковъ; но знаменательно, что даже типичные алкоголики (7 и 8 группы) даютъ довольно высокій процентъ лицъ, легко привыкшихъ къ воздержанію. Въ наиболѣе же богатой отвѣтами группѣ (3, 4 и 5—бытовое пьянство) этотъ процентъ достигаетъ почти 90, такъ что только $^1/_{10}$ часть типичныхъ деревенскихъ потребителей нелегко мирилась съ трезвостью и то лишь въ первое время; остальные же совершили быстро и безъ всякихъ усилій рѣзкій переходъ отъ спорадическаго безшабашнаго пьянства къ полному воздержанію («переносилъ очень легко», «сразу привыкъ», «переносилъ свободно», «какъ заперли казенки, такъ и привыкъ»). Даже и трудно переносившіе воздержаніе чувствовали тяжесть лишенія крѣпкихъ напитковъ лишь непродолжительное время (болѣе половины ихъ—въ теченіе мѣсяца), а затѣмъ освоились съ нимъ и только 3% всѣхъ отвѣтившихъ на анкету, главнымъ образомъ изъ числа регулярныхъ потребителей и типичныхъ алкоголиковъ, оказались безсильными побороть тяготѣніе къ алкоголю ко времени производства анкеты.

Естественно, что для различныхъ группъ требовался неодинаковый періодъ, чтобы привыкнуть къ воздержанію. Для этого нуженъ

былъ срокъ не менѣе мѣсячнаго: для 10% изъ 4 группы (остальные 90% освоились съ воздержаніемъ въ теченіе 1—3 недѣль)

для 23% изъ 5 группы
» 31% » 6 »
» 34% » 7 »
» 39% » 8 »

Если сопоставить отношеніе къ запрету различныхъ профессіональныхъ группъ, то окажется, что наиболѣе трудно мирились съ нимъ мастеровые и чернорабочіе, потомъ торговцы, затѣмъ крестьяне-земледѣльцы и наконецъ сельская интеллигенція. Такая градація отвѣчаетъ степени алкоголизаціи каждой изъ этихъ группъ.

Разсматривая отношеніе къ запрету различныхъ возрастныхъ группъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ явленіемъ: чѣмъ старше группа, тѣмъ труднѣе переносится ею запретъ (нѣкоторое отклоненіе замѣчается только въ послѣдней группѣ); съ повышеніемъ возраста повышается и степень алкоголизаціи.

Группы.	Число отвѣтовъ.	Изъ нихъ въ %%. Привычныхъ потребителей (6, 7 и 8 группы).	Почти не пьющихъ.	Переносившихъ воздержаніе трудно.
18—25 лѣтъ . .	184	33	11	22
26—40 » . .	767	30	5	29
41—60 » . .	967	44	4	42
61 и свыше . . .	116	48	1	37

Изъ другихъ земскихъ анкетъ только Харьковская приводитъ данныя о возрастѣ потребителей спиртныхъ напитковъ, которыя также свидѣтельствуютъ, что чѣмъ старше по возрасту данная группа потребителей, тѣмъ выше въ ней % пьющихъ (см. табл. № 4 стр. 28).

	Мужч.	Женщ.
Среди дѣтей % пьющихъ . . .	11,2	6,4
» подростковъ » » . . .	38,9	21,2
» взрослыхъ » » . . .	73,8	50,9
» старыхъ » » . . .	84,8	52,6

На основаніи различныхъ изслѣдованій, отчетовъ пріютовъ для опьянѣвшихъ и лечебницъ [1]) мы склонны были считать установленнымъ общее положеніе, что наивысшая степень алкоголизаціи падаетъ на возрастъ 30—40 лѣтъ. Этотъ выводъ, сдѣланный изъ на-

[1]) См. «Алкоголизмъ и преступленіе» доктора Н. И. Григорьева. Данныя д-ра Михайлова (I в. «Вопросы алкоголизма»). Отчеты Тульскаго пріюта для алкоголиковъ. Анкета среди Петроградскихъ рабочихъ Лосицкаго и Чернышева и др.

блюденій главнымъ образомъ надъ городскими рабочими и мастеровыми, очевидно, нельзя распространять на деревенское населеніе. Какъ видно изъ Пензенской и Харьковской анкетъ, наростаніе алкоголизаціи въ деревнѣ далеко не завершается и 60-ти лѣтнимъ возрастомъ. Чѣмъ это объясняется? большимъ досугомъ стариковъ или почетнымъ положеніемъ ихъ въ деревнѣ, благодаря чему на ихъ долю выпадаетъ больше водки и на общественныхъ попойкахъ и на семейныхъ торжествахъ? А можетъ быть, это обстоятельство находится въ связи съ болѣе крѣпкимъ здоровьемъ вообще деревенскихъ жителей, которое позволяетъ и старикамъ выдерживать высокую степень алкоголизаціи? Какъ бы то ни было, но отмѣченный фактъ распространеннаго пьянства среди деревенскихъ стариковъ имѣетъ большое значеніе для сужденія о запретѣ. Противники запретительной системы, не имѣя возможности опорочить яркихъ благодѣтельныхъ послѣдствій наступившей трезвости, прибѣгаютъ къ тому доводу, что успѣхъ отрезвленія объясняется уходомъ на войну молодой, болѣе подверженной пьянству части населенія, а потому, съ возвращеніемъ ея, наступятъ, по ихъ мнѣнію, другія условія, совершенно не благопріятствующія трезвости. Какъ видимъ изъ приведенныхъ выше данныхъ, эти разсужденія не имѣютъ за собою реальныхъ основаній: заправскихъ деревенскихъ питуховъ больше среди оставшихся, чѣмъ среди ушедшихъ.

Итакъ, Пензенская анкета краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что деревенское населеніе, даже въ лицѣ элементовъ съ повышеннымъ пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, поразительно легко и скоро освоилось съ отсутствіемъ ихъ.

Такой совершенно нежданный успѣхъ отрезвленія, притомъ въ наиболѣе пьяный сезонъ года, конечно, долженъ былъ оказать огромное вліяніе на различныя стороны народной жизни.

Постараемся выяснить по возможности подробнѣе характеръ и степень этого вліянія, на основаніи всѣхъ земскихъ анкетныхъ изслѣдованій, которыя будемъ разсматривать параллельно.

III.

Улучшеніе экономическаго положенія деревни.

Изъятіе водки изъ деревенскаго обихода не могло, конечно, не имѣть благодѣтельныхъ экономическихъ послѣдствій, потому что расходъ на спиртные напитки составлялъ весьма замѣтную величину въ бюджетѣ крестьянина. Каковъ былъ этотъ расходъ? Московская и Харьковская анкеты старались учесть его, включивъ въ программу рядъ соотвѣтствующихъ вопросовъ. Разсмотримъ кратко полученныя сообщенія корреспондентовъ.

Въ среднемъ по Московскому уѣзду получилась цифра годового расхода вообще на спиртные напитки по расчету на 1 дворъ, состоящій изъ 6,66 душъ, 35 р. 41 к.—цифра весьма малая, осо-

бенно если принять во вниманіе развитіе фабрично-заводской и дачной жизни въ Московскомъ уѣздѣ, обиліе промысловъ, близость Москвы, а также и то, что корреспонденты принадлежали далеко не къ трезвымъ группамъ населенія (изъ нихъ 9,5% пили регулярно и 19,1% часто—см. стр. 22 анкеты). Впрочемъ, въ самой анкетѣ допускается возможность преуменьшенія расходовъ на алкоголь и отмѣчается, что корреспонденты не учитывали чрезвычайныхъ затратъ на водку, напр. свадебныхъ. Что расчеты корреспондентовъ вовсе не отвѣчаютъ дѣйствительнымъ среднимъ расходамъ на алкоголь московскаго деревенскаго населенія, видно изъ данныхъ монопольной статистики. Потребленіе водки въ 1913 г. въ сельскихъ мѣстностяхъ Московской губерніи составляло 1,01 вед. въ 40° на душу, а на дворъ въ 6,66 душъ 6,7 вед. на сумму, считая по казенной продажной цѣнѣ, 56 руб. 28 коп.

Но въ дѣйствительности расходъ былъ еще выше: 1) значительная часть водки пріобрѣталась населеніемъ не по казенной цѣнѣ, а по болѣе возвышенной у шинкарей [1]) и въ легальныхъ частныхъ питейныхъ заведеніяхъ, 2) населеніе Московскаго уѣзда потребляло, помимо водки, виноградныя вина и пиво въ количествѣ не менѣе 10% общаго потребленія по расчету на алкоголь, какъ это видно изъ сообщеній о нѣкоторыхъ хозяйствахъ, приведенныхъ въ Московской анкетѣ,— что даетъ около 30° алкоголя (приблизительно 20° въ видѣ пива и 10° въ видѣ виноградnаго вина) на сумму 15 руб. [2]); 3) душевое потребленіе водки, исчисленное на основаніи монопольной статистики въ 1,01 ведра, въ дѣйствительности было выше. Дѣло въ томъ, что эта статистика расчетъ сельскаго потребленія производитъ посредствомъ дѣленія цифры проданнаго вина сельскими мѣстами питейной торговли на число душъ сельскаго населенія, совершенно не принимая къ учету то значительное количество вина, которое закупается деревенскими жителями въ городахъ; это вино она относитъ на счетъ городского потребленія и тѣмъ искусственно преувеличиваетъ послѣднее [3]). Такимъ образомъ истиннаго представленія о городскомъ и деревенскомъ потребленіи монопольная

[1]) По моимъ подсчетамъ, въ Пензенской губ. 50% вина покупалось у шинкарей по 10 р. ведро, вмѣсто 8 р. 40 к. казенной цѣны (см. «Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ»). Если принять этотъ расчетъ и для Московскаго уѣзда, гдѣ едва ли менѣе сильно былъ развитъ шинкарскій промыселъ, судя по даннымъ анкеты, то расходъ на водку нужно увеличить, по крайней мѣрѣ, на 6 руб.

[2]) Если принять стоимость ведра пива крѣпостью въ 4° въ 1 р. 60 к., то одинъ пивной градусъ будетъ стоить 40 коп.; при цѣнѣ 1 бут. ($^1/_{16}$ вед.) виноградnаго вина въ 10° 45 коп., стоимость виннаго градуса составитъ 70 коп.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей работѣ—«Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ».

статистика намъ не даетъ. Детально анализируя потребленіе вина въ Пензенской губ. (главнымъ образомъ по Пензенскому уѣзду), я пришелъ къ выводу, что для полученія цифры дѣйствительнаго душевого потребленія вина по Пензенскому уѣзду нужно расчетъ, составленный по системѣ, принятой въ монопольной статистикѣ, увеличить не менѣе какъ на 20 %, уменьшивъ соотвѣтственнымъ образомъ расчетъ потребленія по гор. Пензѣ.

Если принять всѣ эти поправки, то средній расходъ на алкоголь по Московскому уѣзду долженъ подняться чуть не до 90 руб. на дворъ. Конечно, всѣ эти выкладки для Московскаго у. весьма приблизительны, и мы останавливаемся на нихъ только для того, чтобы показать, насколько неточны или, во всякомъ случаѣ, не типичны исчисленія издержекъ на алкоголь московскихъ корреспондентовъ [1]).

Харьковская анкета, повидимому, ближе подходитъ къ правильному опредѣленію крестьянскихъ алкогольныхъ расходовъ. Для наиболѣе многочисленныхъ группъ хозяйствъ по посѣвной площади она даетъ слѣдующія цифры на одно хозяйство.

Посѣвная площадь.	Число показаній.	Количество душъ на хозяйство.	Алкогольный расходъ. на хозяйство	на душу.
0,1—5,0 дес.	269	7,7	69 р. 70 к.	9 р. 05 к.
5,1—10 »	202	8,9	71 » 80 »	8 » 07 »

[1]) Слѣдуетъ очень пожалѣть, что вообще вопросы о потребленіи вина (о размѣрѣ его, характерѣ, зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій и пр.) остались у насъ мало разработанными, несмотря на полную возможность къ тому, благодаря сосредоточенію въ рукахъ казны винной торговли и точной регистраціи каждой проданной сотки вина. Главная причина этого въ томъ, что у насъ не было установлено надлежащихъ пріемовъ изслѣдованія. Мы прибѣгали къ громоздкимъ спеціальнымъ анкетамъ, которыя пригодны только для изученія яркихъ явленій жизни, какъ напр. послѣдствій запрещенія питейной торговли, рѣзко бросающихся въ глаза рядовымъ наблюдателямъ,—а не для изслѣдованія сложныхъ вопросовъ о факторахъ алкоголизма, старались использовать земскія бюджетныя данныя, приходо-расходныя записи отдѣльныхъ крестьянъ и проч., и въ результатѣ получали чрезвычайно пестрый матеріалъ, основанный на неглубокихъ наблюденіяхъ, личныхъ впечатлѣніяхъ, отзывахъ, недостаточно объективныхъ, отрывочныхъ записяхъ потребителей и проч. Поэтому неудивительно, что статистическіе подсчеты анкетныхъ сообщеній нерѣдко могли приводить къ прямо противоположнымъ заключеніямъ. Вспомнимъ, напр., двѣ анкеты среди Петроградскихъ рабочихъ, разработанныя одна г. Прокоповичемъ, а другая г.г. Лосицкимъ и Чернышевымъ. Насколько недостовѣрны бюджетныя данныя, можно видѣть изъ анкеты Московскаго земства о вліяніи запрещенія питейной торговли, гдѣ приведены расчеты алкогольныхъ расходовъ на крестьянскій дворъ по бюджетамъ 8-ми уѣздовъ Харьковской, Смоленской, Вологодской и Московской губерній. Эти расходы исчислены крайне низко—отъ 5 до 19 р. Бюджеты по приходо-расходнымъ книжкамъ тамъ, гдѣ они велись, даютъ чрезвычайно бѣдный и также не типичный матеріалъ (см. стр. 41 Московской анкеты).

Монопольная статистика опредѣляетъ душевое потребленіе водки для сельскихъ мѣстностей Харьковской губерніи въ 0,68 вед. (1913 г.) на сумму по казенной цѣнѣ 5 руб. 71 коп. Если принять въ расчетъ вышеуказанныя поправки и сравнительно большую распространенность потребленія виноградныхъ винъ въ Харьковской губерніи, то средній алкогольный расходъ въ ней дѣйствительно не долженъ быть меньше 8—9 руб. на душу, а на хозяйство—70 руб., что составляетъ, по исчисленіямъ Харьковской анкеты, 16,5—21,1 % всей валовой прибыли хозяйства.

Устраненіе столь значительной расходной статьи, конечно, должно имѣть ощутительныя экономическія послѣдствія для крестьянскаго населенія.

Но, помимо прямыхъ денежныхъ затратъ на покупку спиртного, крестьянское хозяйство испытывало громадный чисто матеріальный ущербъ, приносимый пьянствомъ, въ видѣ потери рабочаго времени, пониженія трудоспособности, порчи и утраты предметовъ хозяйства, невыгодныхъ сдѣлокъ по пріобрѣтенію и продажѣ имущества, частыхъ пожаровъ, возникающихъ нерѣдко на почвѣ пьянства, и проч. и проч. Запрещеніе питейной торговли должно положить конецъ и всѣмъ этимъ причинамъ разстройства хозяйственнаго быта.

При учетѣ экономическихъ послѣдствій запрета, по даннымъ земскихъ анкетъ, необходимо имѣть въ виду, что всѣ губерніи, гдѣ производились эти анкеты, находились въ крайне неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ въ теченіе сельско-хозяйственнаго періода 1914—1915 г.г., съ которымъ совпало прекращеніе питейной торговли. Помимо ухода на войну наиболѣе цѣнныхъ работниковъ, тяжелаго самочувствія населенія, связаннаго съ условіями военнаго времени, сильной дороговизны на всѣ предметы,—эти губерніи значительно пострадали отъ неурожая хлѣбовъ и частью травъ. На населеніе сразу выпало много серьезныхъ бѣдъ, которыя должны были сильно подорвать крестьянское хозяйство, если не прямо разорить. Но, къ счастью, появился новый могучій благопріятный факторъ—трезвость, которая и должна была парализовать тяжелыя послѣдствія и ужасной войны и недорода. Такая нелегкая задача выполнена была блестяще, какъ увидимъ ниже: крестьянское хозяйство не только не пошатнулось, но замѣтно улучшилось даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ царства трезвости и получило могучій толчекъ къ дальнѣйшему развитію.

Но эта роль трезвости, состоящая въ поддержаніи хозяйственнаго равновѣсія, не позволяла ей выявить во всей яркости свое мощное положительное вліяніе на хозяйственный бытъ населенія и создать эффектную картину рѣзкаго улучшенія его, сравнительно

съ періодомъ господства водки. Этого нельзя забывать при оцѣнкѣ сообщеній корреспондентовъ.

Переходя къ разсмотрѣнію анкетныхъ матеріаловъ о вліяніи запрета на матеріальное положеніе населенія, слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ анкетахъ яркими красками рисуется положительное значеніе прекращенія питейной торговли, хотя и не всѣ онѣ съ желательною полнотою освѣщаютъ разнообразныя перемѣны, происшедшія въ хозяйственной жизни деревенскаго населенія; не всѣ производятъ детальную группировку сообщеній корреспондентовъ, сопровождая ее подсчетами, которые имѣютъ важное показательное значеніе.

Всѣ помѣщенные въ анкетахъ подсчеты отвѣтовъ и вообще содержащійся въ нихъ статистическій матеріалъ мы старались использовать возможно полнѣе, иллюстрировавъ его выдержками изъ отвѣтовъ корреспондентовъ различныхъ губерній.

Нижегородская анкета ставила общій вопросъ о вліяніи запрета не только на крестьянское хозяйство, но и на бытъ населенія, и получила 891 отвѣтъ; причемъ 95% ихъ свидѣтельствуютъ о благопріятномъ вліяніи. Болѣе подробной классификаціи отвѣтовъ произведено не было.

На вопросъ Костромской анкеты—какъ отразилось прекращеніе продажи вина на хозяйствѣ—поступило 501 сообщеніе; изъ нихъ благопріятныхъ 93,8% (очень хорошо 53,3%, хорошо—40,5), остальныя говорятъ, что вліянія трезвости на хозяйство незамѣтно, потому что кратокъ еще срокъ, что хозяйство ведется женщинами, что въ ихъ мѣстности пьянство не было разорительно, а кто пьянствовалъ, того хозяйство стало теперь лучше. Такимъ образомъ часть и этихъ сообщеній нужно отнести къ группѣ благопріятныхъ. Такъ какъ анкета не требовала болѣе подробныхъ указаній, въ чемъ именно сказалось вліяніе трезвости, то ихъ немного въ отвѣтахъ. «Благодаря отрезвленію, послѣдствій войны почти незамѣтно, неурожай уравнивается трезвымъ поведеніемъ прекрасно». «Хозяйство не хуже прежнихъ пьяныхъ лѣтъ, несмотря на то, что хлѣба и травы погибли. Несмотря на голодъ, трезвые исправляютъ свои хибарки всячески и не бѣдствуютъ».

Трезвость не только помогла сохранить хозяйство Костромскихъ крестьянъ отъ упадка, но и повысила достатокъ. «Съ пьянствомъ у крестьянъ хватало своего хлѣба до масленицы, а теперь хватитъ до нови» (это при неурожаѣ). «Крестьяне гораздо лучше стали смотрѣть за хозяйствомъ и все время стараются улучшить свое положеніе».

Екатеринославская и Московская анкеты старались подробнѣе анализировать экономическія послѣдствія запрещенія питейной тор-

говли и ставили болѣе детальные вопросы. На вопросъ—улучшилось ли матеріальное положеніе населенія (слѣдовательно, несмотря на войну, дороговизну и неурожай) съ прекращеніемъ виноторговли—Екатеринославская анкета дала 64,5% отвѣтовъ (617) положительныхъ, а Московская 36% (200). Но и прочіе отвѣты, говорящіе о томъ, что состояніе зажиточности осталось безъ перемѣнъ, не только не отвергаютъ благопріятнаго вліянія запрета на хозяйственную жизнь, но, наоборотъ, подтверждаютъ его. «Если бы не прекратилась продажа водки, то населеніе вовсе обнищало бы при теперешней дороговизнѣ» (Москов.). «Трудно сказать относительно улучшенія, такъ какъ война наложила на всемъ отпечатокъ». «Если бы былъ урожай, то крестьяне ничего лучше не желали бы» (Екатериносл.). Причины отсутствія улучшеній Екатеринославскіе корреспонденты видятъ въ войнѣ, которая отвлекла рабочія руки, въ дороговизнѣ, неурожаѣ и нѣкоторые—въ малоземельѣ. Эти же причины были настолько могучи, что не всегда трезвости удавалось побороть ихъ и общая зажиточность нѣкоторыхъ крестьянскихъ хозяйствъ понизилась (такихъ отвѣтовъ 5% по Московскому уѣзду).

Въ чемъ выразилось улучшеніе матеріальнаго положенія населенія, вслѣдствіе запрета? Куда идутъ деньги, раньше расходовавшіяся на алкоголь?

Огромное большинство Харьковскихъ корреспондентовъ отвѣчаетъ, что на улучшеніе пищи «вообще», «на чай», «на сахаръ» и «на мясо», на улучшеніе одежды и инвентаря живого и мертваго. Болѣе 400 показаній отмѣчаютъ уплату прежнихъ долговъ; 92 сообщаютъ о вкладахъ въ сберегательныя кассы.

Отвѣты Московской анкеты, свидѣтельствующіе о поднятіи зажиточности, говорятъ, что она выразилась въ лучшемъ

питаніи	45%
одежды и обуви	36%
вообще	19%

Въ частности увеличилось потребленіе чая (43% отвѣтовъ), сахара (47%), сластей (28%). Немало имѣется указаній на пріобрѣтеніе скота, сельско-хозяйственныхъ орудій и поправку построекъ.

Екатеринославская анкета такъ характеризуетъ матеріальное улучшеніе положенія населенія, принесенное трезвостью (414 сообщеній):

появились деньги	20% отвѣтовъ
улучшилось питаніе	35,5% »
одѣлись	44,5% »

Полтавскіе корреспонденты единодушно подчеркиваютъ сильно повысившуюся платежеспособность населенія, которая обнаружилась въ исправной массовой уплатѣ разнаго рода повинностей и податей, а также въ погашеніи долговъ частнымъ лицамъ и кредитнымъ учрежденіямъ. 33% всѣхъ сообщеній по Полтавской анкетѣ указываютъ на то, что у крестьянъ образовались, благодаря запрещенію продажи водки, денежные излишки и сбереженія, вслѣдствіе чего увеличились вклады сельскаго населенія въ разнаго рода кредитныя учрежденія.

Воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ не только позволило сберечь средства [1]), прежде истрачиваемыя на алкоголь, и дать имъ разумное и производительное назначеніе, но оно оказало могучее благодѣтельное вліяніе на хозяйственную сторону быта населенія и въ другихъ отношеніяхъ. Спорадическое пьянство нерѣдко въ горячую рабочую пору приносило съ собою массу невознаградимыхъ потерь и несчастій, которыя подрывали хозяйство и разрушали вѣру въ возможность улучшенія неприглядной житейской обстановки. Населеніе примирялось съ своей тяжелой долей и топило свое горе въ винѣ, которое, создавая временную иллюзію подъема самочувствія, подтачивало духовныя и физическія силы и парализовало здоровые импульсы къ борьбѣ съ нуждой.

Теперь же народное сознаніе и народная воля освободились отъ власти пьянаго угара и окрылились надеждой на улучшеніе быта. Прекратилась затяжная гульба во время свадебъ, многочисленныхъ праздниковъ, частыя поѣздки на базары, попойки на общественныхъ сходахъ, помочахъ, при всякаго рода имущественныхъ сдѣлкахъ (могарычи) и у народа освободилось много трудового времени, много средствъ, которыя можно использовать разумно. Трезвая ясная мысль и свободная отъ оковъ алкоголя воля успѣли уже заявить о себѣ, какъ о могучихъ факторахъ дальнѣйшаго развитія народнаго благосостоянія.

Инв 33441
Гос. Губ. Цент. Биб-ка им. „Октябрьск. революции" Книгохранилище
Центральная библиотека

---

[1]) Московская анкета старалась учесть эти средства, поставивъ вопросъ корреспондентамъ—«сколько, по Вашему мнѣнію, Вы сберегли денегъ съ начала войны до Пасхи, по случаю запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ». Редакція вопроса очень неясная: имѣетъ ли она въ виду прежнія затраты на алкоголь, за исключеніемъ расходовъ при запретѣ на спиртное, а можетъ быть и на безалкогольные напитки, чай, сахаръ, которыми замѣнилась водка, улучшеніе пищи или это—свободная денежная наличность, которая осталась на рукахъ у прежнихъ потребителей водки, за покрытіемъ всѣхъ хозяйственныхъ расходовъ. Несомнѣнно, вопросъ былъ понятъ корреспондентами далеко неоднообразно, а потому результатъ получился неожиданный—фактъ сбереженій установленъ былъ только въ 41% отвѣтахъ, но зато въ размѣрахъ очень значительныхъ: на 100 руб., расходованныхъ раньше на спиртные напитки, сбережено около 80 руб.

Большинство отзывовъ Екатеринославской анкеты (85%) отмѣчаетъ перемѣну въ отношеніи крестьянъ къ труду; изъ нихъ 50% свидѣтельствуютъ, что крестьяне стали болѣе внимательны и заботливы въ хозяйствѣ, 35%—что они начали «больше работать».

Полтавская анкета удостовѣряетъ, что съ прекращеніемъ продажи водки сумма труда въ народномъ хозяйствѣ сразу же увеличилась замѣтнымъ образомъ.

Харьковская (50% сообщеній), что теперь «охотно идутъ на работы», потому что деньги отъ заработковъ не пропиваются и полностью поступаютъ въ хозяйство; а прежніе пьяницы, которые раньше ходили на работу, чтобы имѣть деньги на вышивку, теперь не пьютъ и занимаются домашней работой для возстановленія упавшаго хозяйства.

Московскіе корреспонденты указываютъ (46% отвѣтовъ), что, несмотря на войну, неурожай и дороговизну, въ крестьянскихъ хозяйствахъ замѣтны улучшенія, особенно въ много пившихъ семьяхъ [1]).

Во всѣхъ анкетахъ приводится масса сообщеній, которыя весьма ярко и вполнѣ согласно изображаютъ благотворное вліяніе отрезвленія на всѣ стороны крестьянскаго хозяйственнаго уклада.

«Уменьшилась продажа задешево продуктовъ и сдача зимой по дешевой цѣнѣ пашни и покосовъ въ аренду».

«Не пропиваются покосные душевые надѣлы».

«Уменьшилась продажа надѣльныхъ земель».

«Стараются завести лишнюю сбрую, завести скотину, сдѣлать пристройку, чтобы было все съ избыткомъ».

«Стараются лучше удобрить землю, обновить и улучшить инвентарь».

«Скотина вышла порядочная».

«Даже домашнія животныя повеселѣли».

«Стали больше сидѣть дома. Во время скотина напоена, убрана, накормлена. Заборъ, смотришь, починилъ. Другой орудія къ веснѣ осматриваетъ».

«Замѣчается много сажанія фруктовыхъ деревьевъ и раздѣлка огородовъ, встрѣчалъ дома, что нѣкоторые берутся за пчеловодство». «Крестьяне садятъ около дома палисадники, строятъ новые заборы». «Стали справлять постройки». «Мужчины безъ спиртныхъ напитковъ всегда видятъ упадокъ своего хозяйства, а во вторыхъ и дѣлать нечего и ходить безъ дѣла не охота; поэтому большая часть и принимается ухаживать за хозяйствомъ».

---

[1]) На нихъ падаетъ свыше 60-ти % отвѣтовъ, а на мало пившихъ только 30%.

«Плохіе хозяева стали теперь хорошими».

«Съ базара мужикъ возвращается трезвый и все въ сохранности». «Съ заработковъ возвратились съ деньгами, а раньше, когда была водка, приходили пустые и босы». «Возросла охота къ работѣ». «Стали работать даже въ праздники». «Люди стали заботливѣе, аккуратнѣе и разсчетливѣе». «Прежде дѣла стали обдумывать конецъ». «Скупѣе стали, обмануть нельзя стало. Умны стали». «Мужикъ сталъ скупѣе, но предпріимчивѣе». «Усилился интересъ къ сельскохозяйственнымъ знаніямъ и изученію ремеслъ». «Прежде на бесѣдахъ, устраиваемыхъ агрономомъ по сельскому хозяйству, слушателей являлось человѣкъ 20, а теперь 200». «Харчи стали хорошіе, одевка приличная». «Какія деньги пропивали, теперь идутъ на мясо, булки, про которыя раньше пьяные и не думали». «Прежній пьяница теперь ѣдетъ съ базара какъ слѣдуетъ, везетъ пудовикъ пшеничной муки, чай, сахаръ, пшено; лицо приняло образъ человѣка». «Почти въ каждой хатѣ появились самовары». «Часы стѣнные появились». «Швейныя машины». «Малыя дѣти въ стужу не выходили гулять, потому что отцы все пропивали, а теперь всѣ обуты, одѣты». «Дѣти въ училище стали ходить обуты и сыты». «Которые крестьяне не знали—который сапогъ на какую ногу обувать—теперь носятъ сапоги, да еще съ галошами». «Парубки справляютъ галоши». «Торговцы говорятъ, что спросъ на крестьянскую мануфактуру очень большой».

Та же картина увеличенія достатка рисуется корреспондентами и для сельскихъ фабричныхъ районовъ. Екатеринославская анкета отмѣчаетъ уменьшеніе прогуловъ, несчастій съ рабочими, заболѣваній и повышеніе заработной платы на каждаго рабочаго 10—20 р. въ мѣсяцъ, благодаря увеличенію производительности труда. Костромская анкета подчеркиваетъ, что «производительность фабричныхъ рабочихъ, промышленниковъ и кустарей замѣтно увеличилась».

Особенно рѣзкая перемѣна къ лучшему произошла въ хозяйствахъ прежнихъ пьяницъ, которыми были преимущественно деревенскіе мастеровые.

Въ Костромской губ. около 90% отвѣтовъ (460) удостовѣряютъ поправку въ хозяйствахъ, прежде разоряемыхъ пьянствомъ, а на вопросъ—«не наблюдалось ли возвращенія къ труду и хозяйству лицъ, отбившихся отъ дома и отъ работы»—корреспонденты отвѣчаютъ: 79% утвердительно, 6%—«всѣ возвратились», 13% «очень многія».

Въ Харьковской анкетѣ 91% отвѣтовъ (128) подчеркиваютъ сильную перемѣну къ лучшему у лицъ, прежде сильно пьянствовавшихъ—«люди стали неузнаваемы и теперь ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые и раньше вели трезвую жизнь».

*

Въ описаніи перемѣны, происшедшей съ пьяницами, корреспонденты не щадятъ красокъ. «Всѣ теперь пьяницы за работой, дома ставятъ обширные и заводятъ скотину». «У нихъ открылись теперь глаза, какъ многое недостаетъ у нихъ въ хозяйствѣ». «Они прямо набрасываются на работу, полагая наверстать потерянное». «Принимаютъ страшный трудъ въ самомъ тихомъ видѣ и даже жалѣютъ пропущеннаго времени». «Какъ будто сейчасъ воскресли изъ мертвыхъ». «И удивительное дѣло: изъ горькихъ пьяницъ, теперь отличные хозяева, дѣльные, умные, хорошіе мастера». «Вмѣстѣ съ шатунами, пропойцами, котами исчезли съ деревенскихъ улицъ и сбируны—нищіе».

Сами бывшіе пьяницы восторженно привѣтствуютъ свою новую трезвую жизнь. «Я былъ раздѣтъ и нагъ; послѣ прекращенія водки, сталъ обутъ и одѣтъ и сталъ жить нормально и стали принимать меня въ общество». «Крышу покрылъ, жену одѣлъ. Работаю съ утра до ночи. Всѣ стѣны готовой одеждой (заказами) увѣшаны, а сдалъ и того больше. Человѣкъ я золотой, а черезъ вино пропадалъ», сообщаетъ деревенскій портной. «Былъ настоящій дуракъ, а теперь свѣтъ озарилъ и сталъ настоящій свѣтлый и православный: вновь родилась моя жизнь». «Совсѣмъ паршивый былъ, а теперь сталъ человѣкомъ». «Купилъ корову, а то все было прошито: лошадь, корова, мелкій скотъ». «Я по своей слабости до того спился, что въ дому у меня осталось собственныхъ 3 курицы, да 5 овецъ испольныхъ, а сейчасъ коровку добился въ 22 руб.». Такими замѣчаніями испещрены всѣ отвѣтные листки бывшихъ пьяницъ Пензенской анкеты.

Полтавская анкета останавливается на изумительномъ явленіи, которое наблюдали весьма многіе корреспонденты—«горькіе пьяницы, особенно мастеровые и ремесленники, оказались вдругъ въ положеніи людей, неожиданно разбогатѣвшихъ», предъ которыми всталъ серьезный и трудный для рѣшенія вопросъ, куда дѣвать лишнія деньги. Казалось бы, что этотъ вопросъ несуразный, однако онъ не на шутку озабочивалъ людей, потребности которыхъ сводились почти исключительно къ тому, чтобы напиться. «Оце штука, гроши хочъ на базари продавай, бо нигде диты», «хоть сараи покрывай», «хочь продавай: хлибъ есть, чоботы есть, и грошей рубливъ съ 25 валяетця», «въ какой карманъ ни заглянешь—деньги. Самъ себя не узнаю!»

Трезвыя свадьбы и празднества.

Устраненіе водки, которая являлась неразлучнымъ спутникомъ всякаго рода народныхъ торжествъ, придавая имъ красочность, должно было произвести переворотъ въ сложившихся вѣками бытовыхъ устояхъ народной жизни. Переходъ къ новымъ способамъ ознаменованія торжественныхъ событій, конечно, не могъ совер-

шиться спокойно и безболѣзненно. Особенно тяжело оказалось обходиться безъ водки на свадьбахъ, весь ритуалъ которыхъ былъ тѣсно связанъ съ нею. Сватовство, сговоры, получившіе во многихъ мѣстностяхъ даже спеціальное названіе «запоевъ» и «пропоевъ», смотрины, дѣвичники—обязательно сопровождались обильной выпивкой; но поистинѣ грандіозныхъ размѣровъ достигало пьянство во время свадебныхъ пиршествъ, когда многочисленные гости, независимо отъ ихъ возраста и пола, считали своею обязанностью не просто пить, а напиться, потому что принято думать, что чѣмъ шире пьяный размахъ, тѣмъ почетнѣе свадьба и тѣмъ счастливѣе будутъ жить молодые. Въ пьяномъ угарѣ обыкновенно проходило еще 2—5 дней послѣ свадьбы. Въ среднемъ каждая свадьба, считая досвадебныя и послѣсвадебныя угощенія какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты и гостей, требовала затратъ на спиртные напитки едва ли менѣе, чѣмъ на сумму 100 руб. [1]).

Со времени запрещенія питейной торговли, по единодушнымъ отзывамъ анкетъ, свадьбы стали не шумны, кратковременны, малолюдны и не разорительны. Безъ водки свадьбы — «одно неприличіе», гости чувствуютъ себя такъ, «будто въ домѣ случилось несчастье», «прежде похороны веселѣе были, чѣмъ теперь свадьбы». Впрочемъ, такое сожалѣніе о быломъ пьяномъ разгулѣ выражается меньшинствомъ корреспондентовъ. Большая же часть ихъ, сознавая прекрасныя моральныя и экономическія послѣдствія трезвыхъ свадебъ, привѣтствуютъ новый обычай справлять ихъ въ одинъ день и замѣнять водку улучшенными закусками, чаемъ, фруктовыми водами, брагой, чинной бесѣдой, а иной разъ даже чтеніемъ газетъ. Сначала чудно было такое времяпрепровожденіе, но теперь начинаютъ свыкаться съ нимъ. Новый порядокъ нравится особенно хозяевамъ: расходы на угощеніе сократились въ 5—10 разъ противъ прежняго. Въ виду этого, нѣкоторые крестьяне, какъ отмѣчаютъ харьковскіе корреспонденты, даже спѣшатъ устраивать свадьбы, пока нѣтъ продажи водки, несмотря на неблагопріятное военное время [2]). На вопросъ харьковской анкеты—не откладывались ли свадьбы изъза отсутствія вина— получилось только 9% утвердительныхъ отвѣтовъ.

[1]) Московская анкета указываетъ значительно меньшій расходъ—въ среднемъ по уѣзду 35 р. 40 к. на свадьбу. Въ этомъ сказалось, очевидно, вліяніе Москвы, которой удалось ограничить размахъ освѣщеннаго вѣками свадебнаго пьянства. Кромѣ того, изъ анкеты не видно, подсчитаны ли въ указанной суммѣ всѣ расходы на спиртное со стороны какъ жениха, такъ и невѣсты и гостей, а равно на моменты, предшествовавшіе самой свадьбѣ.

[2]) Указанія на это встрѣчаются и въ письмахъ корреспондентовъ Симбирскаго Земства (см. Симбирскій Хозяинъ № 2 за 1915 г. очеркъ Лаврецкаго—«Въ отрезвленной деревнѣ»).

Во время *праздниковъ* крестьяне обходятся безъ вина еще легче, чѣмъ на свадьбахъ. На вопросъ Нижегородской анкеты—какъ теперь, за отсутствіемъ крѣпкихъ напитковъ, населеніе проводитъ праздники, свадьбы и другія подобныя имъ торжества—6,5% отвѣтовъ свидѣтельствуютъ, что свадьбы и торжества, по случаю военнаго времени, прекратились, 5% замѣчаютъ, что проходятъ скучно, уныло, но всѣ остальные указываютъ на радостное и пріятное времяпрепровожденіе, лучше, чѣмъ было при водкѣ—за чаемъ, медомъ или брагой, сытными закусками, сластями, бесѣдой.

При разсмотрѣніи вопроса о самочувствіи населенія въ дни празднествъ, нельзя упускать изъ виду тѣхъ крайне неблагопріятныхъ условій для радостнаго народнаго настроенія, которое создано войной. Для примѣра сошлемся на Костромскую анкету, которая затрагивала вопросы и о вліяніи войны на жизнь населенія. 44% сообщеній, главнымъ образомъ корреспондентовъ — крестьянъ, свидѣтельствовали, что «населеніе воспринимаетъ войну какъ бѣдствіе, настроеніе угнетенное». По даннымъ Костромской анкеты, 93% отвѣтовъ корреспондентовъ удостовѣряютъ, что праздники и свадьбы теперь безъ водки проходятъ «спокойно», чинно, благоразумно, нельзя лучше, благородно и т. д. Московская анкета даетъ менѣе отрадныя показанія по этому вопросу—только 56% отвѣтовъ свидѣтельствуютъ, что теперь проводятъ праздники лучше, чѣмъ прежде. Такой результатъ представился и для лицъ, разрабатывавшихъ Московскую анкету, нѣсколько непонятнымъ и трудно согласуемымъ съ заявленіями самихъ же корреспондентовъ о томъ, что раньше проводились праздники «безобразно», «съ драками и скандалами». Въ объясненіе его, они склонны искать «какихъ то новыхъ явленій, которыя не удовлетворяютъ населеніе» и усматриваютъ разгадку этого недовольства отчасти въ распространеніи суррогатовъ. Но послѣднее обстоятельство не имѣетъ, какъ мы увидимъ ниже, мало-мальски тревожнаго характера и массоваго явленія. Не правильнѣе ли полагать, что свѣтлость праздничнаго настроенія омрачалась въ глазахъ многихъ корреспондентовъ тяжелыми условіями военнаго времени; тѣмъ болѣе, что въ Московской анкетѣ вопросъ о времяпрепровожденіи не былъ поставленъ въ связь съ изъятіемъ крѣпкихъ напитковъ, какъ это сдѣлано въ вышеупомянутыхъ анкетахъ, и онъ обнималъ не только праздники, но и вообще свободное время. Онъ гласилъ—«какъ проводили въ деревнѣ праздники и свободное время раньше? Какъ проводятъ теперь?» Очень жаль, что не разработаны болѣе детально отвѣты по этому пункту; вѣроятно, тогда удалось бы составить болѣе опредѣленное представленіе по данному вопросу.

Такая быстрая рѣзкая перемѣна характера народныхъ празднествъ ясно показываетъ, что алкоголь хотя и служилъ постоян-

нымъ спутникомъ крестьянскихъ торжествъ, но онъ не въ силахъ былъ поработить здоровую народную психологію и потому легко могъ быть изгнанъ изъ житейскаго обихода. Это служитъ лучшимъ показателемъ возможности сохраненія трезвости въ деревнѣ.

Крестины, похороны.

Но устраненіе водки создаетъ иногда совершенно непредвидѣнныя затрудненія, съ которыми приходится считаться крестьянину. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ Полтавскихъ корреспондентовъ, на крестины теперь нельзя найти кумовьевъ, потому что нѣтъ угощенія въ видѣ крѣпкихъ напитковъ, приходится прибѣгать къ найму поденно. При похоронахъ еще хуже: гробъ, выносъ тѣла и могила для покойника прежде устраивались безплатно за угощеніе водкой, а теперь трудно и нанять людей для этого, потому что считается грѣхомъ брать деньги за такія услуги. Пришлось рѣшать и другіе вопросы: приличествуетъ ли самимъ роднымъ дѣлать гробъ для своего покойника, нести его тѣло, какимъ образомъ поминать покойника и желать ему «Царствія небеснаго» и проч.

Помочи, могарычи.

Нелегко было обходиться безъ водки и при такъ называемыхъ помочахъ, т. е. при созывѣ крестьянъ на работу артелью не за деньги, а за обильную выпивку и хорошее угощеніе, что практиковалось очень широко, особенно во время полевыхъ работъ, какъ малосильными хозяевами, вынужденными прибѣгать къ наемному труду для обработки и уборки своихъ полей, а равно для другихъ хозяйственныхъ нуждъ (привезти срубъ для хаты, дрова изъ лѣса, обмолотить хлѣбъ и проч.), такъ и зажиточными крестьянами, духовенствомъ, которымъ приходилось разсчитывать исключительно на наемный трудъ. Такъ какъ въ страдную пору трудно найти въ деревнѣ рабочаго даже за высокую плату, потому что въ будніе дни всѣ заняты своимъ хозяйствомъ, а въ праздничные дни не принято работать за деньги,— то установился обычай использовать праздничные дни для работы, въ видѣ одолженія за угощеніе. Работа артелью на помочахъ идетъ дружно, быстро и весело; хозяину важно выиграть время, поскорѣе управиться съ уборкой полей и онъ не скупится на угощеніе, ставитъ на обѣдъ, послѣ работы, вина столько, чтобы всѣхъ напоить «до отказа» [1]).

[1]) Какая масса вина выпивалась на такихъ помочахъ и какое вліяніе онѣ имѣли на развитіе алкоголизма въ деревнѣ, видно изъ того, что въ Пензенскомъ уѣздѣ въ 1912 г. на устройство помочей пошло въ іюлѣ мѣсяцѣ не менѣе 800 вед. вина, въ августѣ около 1.000 вед. Въ общемъ же за годъ расходовалось на помочи не менѣе 6% общаго потребленія, что для Пензенскаго уѣзда составитъ 6.000 вед. (см. мои изслѣдованія—«Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ», изд. 1913 г., и «Анализъ деревенскаго потребленія вина въ Пензенской губ.»—Вѣстникъ Пензенскаго Земства № 10 за 1914 г.).

Въ земскихъ анкетахъ содержится немало жалобъ корреспондентовъ, что безъ водки теперь нельзя созвать народа для помочей. Впрочемъ, другіе удостовѣряютъ, что водку съ успѣхомъ начинаютъ замѣнять улучшеніемъ пищи.

Водочное угощеніе вообще имѣло въ крестьянскомъ быту большое хозяйственное значеніе: облегчало нахожденіе работниковъ за дешевую плату, служило хорошимъ средствомъ, чтобы расположить богатѣя къ ссудѣ или къ отсрочкѣ уплаты ея, обезпечить выгодную имущественную сдѣлку (могарычи), привлечь на свою сторону мѣстную власть, заручиться расположеніемъ вліятельнаго лица, подкупить общественный сходъ, волостныхъ судей и проч. Теперь же, со смертью «дѣдушки Могарыча», который исчезъ безслѣдно, «аки дымъ», деревенскій бытъ подлежитъ существенной перестройкѣ. Но странно, что этотъ рѣзкій переходъ къ новымъ условіямъ совершился довольно легко, и только очень немногіе, какъ увидимъ ниже, не видятъ еще возможности обходиться безъ водки; огромное же большинство уже оцѣнило правильно вышеуказанныя поистинѣ медвѣжьи услуги, которыя оказывала водка для устройства хозяйственныхъ дѣлъ крестьянина. «Хорошо стало безъ могарычей, восторгаются корреспонденты, такъ какъ покупки и всякія сдѣлки дѣлаются со свѣжей головой». «Злоупотребленій нѣтъ». Умеръ могарычъ, и «не оставилъ послѣ себя никакого потомства», радостно восклицаютъ они.

Улучшеніе семейной жизни.

Наиболѣе ярко сказались благодѣтельныя послѣдствія запрещенія питейной торговли на семейной жизни крестьянъ. Харьковская анкета отмѣчаетъ значительное уменьшеніе семейныхъ ссоръ и дракъ (65% отвѣтовъ) и даже совершенное прекращеніе ихъ (29%), такъ что почти всѣ корреспонденты констатируютъ улучшеніе семейныхъ отношеній. О томъ же говорятъ 88% Московскихъ отвѣтовъ. Особенно рѣзко оно замѣтно въ семьяхъ прежнихъ горькихъ пьяницъ. По отношенію къ нимъ слово «улучшеніе» черезчуръ слабое, замѣчаетъ Полтавская анкета, ибо въ нихъ произошло то, что сообщенія обычно характеризуютъ, какъ «перерожденіе и обновленіе»—«семейства какъ будто замѣнены новыми, гдѣ были тираны и мучители, теперь добрые мужья и отцы», «гдѣ были отцы и мужья пьяницы, тамъ былъ адъ, а теперь эти семейства неузнаваемы, такъ какъ живутъ мирно», «словно голуби». «Весь я какъ бы переродился, я какъ будто пробудился отъ тяжелаго сна, въ которомъ я находился уже много лѣтъ; и съ болью въ сердцѣ вспомнилъ, что у меня есть жена и 8-ми лѣтъ мальчикъ, которые уже нѣсколько лѣтъ питаются Христовымъ именемъ; какъ была рада жена, а особенно мой дорогой мальчикъ, когда я

первый разъ принесъ въ домъ 15 руб. денегъ и своему мальчику сапожки и шапочку новенькую»....

Подобныхъ восторженныхъ отзывовъ о наступившей «благодати» въ семьѣ можно найти массу въ каждой анкетѣ. Они представляютъ изъ себя весьма трогательную хвалебную пѣснь наступившей трезвости.

Особенно глубоко и облегченно вздохнула крестьянская женщина. Сообщенія съ замѣчательнымъ единодушіемъ свидѣтельствуютъ, что «женщины и дѣти свѣтъ увидѣли», «принимала побои отъ мужа, укоры и слезы отъ дѣтей, все тѣло ныло, ломило, что не было терпѣнья, и доходила чуть не до самоубійства, но теперь благодарю Бога, что стала жить хорошо, словно новый свѣтъ увидѣла», «не было на землѣ такого праздника, какой теперь у женщинъ». Женщины «не находятъ словъ благодарности», смотрятъ, какъ на радостный сонъ», «готовы Царю ноги цѣловать», «людьми стали, а не рабынями», «женщина стала изъ подъяремнаго животнаго человѣкомъ», «дѣти перестали быть запуганными звѣрьками», «не видятъ развратa», «одѣты, обуты, обласканы». «Тамъ ище чи попадутъ люды у рай, чи ни, а я уже теперь у раи»,—таково новое настроеніе крестьянской женщины, освободившейся отъ надругательствъ, побоевъ и истязаній со стороны пьяныхъ мужей и сыновей.

Улучшеніе деревенскихъ нравовъ.

Трезвость принесла съ собою миръ не только въ семью, но и въ отношенія крестьянъ между собою. Улучшеніе этихъ отношеній удостовѣряютъ 88% отвѣтовъ Московской анкеты. Ссоры, драки, хулиганство, буйство и т. п. проступки, которые находились въ тѣсной связи съ пьянствомъ, по даннымъ Екатеринославской анкеты, или сократились (72% отвѣтовъ) или вовсе прекратились (28% отвѣтовъ). Что же касается преступленій разнаго рода, то изъ нихъ подкупы, поджоги, преступленія противъ чести въ значительной степени были связаны съ алкоголемъ; кражи, въ особенности мелкія, иногда семейныя, совершались нерѣдко съ цѣлью полученія средствъ для вышивки; убійства въ дракѣ на праздникѣ или нанесеніе тяжкихъ пораненій были также часто дѣломъ алкоголя. Поэтому вполнѣ понятно, что Екатеринославская анкета даетъ 83% отвѣтовъ, свидѣтельствующихъ объ общемъ сокращеніи подобныхъ преступленій и 17% отвѣтовъ—даже о полномъ ихъ прекращеніи. Хотя въ Нижегородской анкетѣ не было поставлено вопроса о состояніи преступности послѣ запрета, но корреспонденты не преминули подѣлиться своими впечатлѣніями о рѣзкой перемѣнѣ сосѣдскихъ отношеній и дали 123 отзыва о томъ, что ссоры, драки, хулиганскія выходки, грабежи, убійства, пожары, нищенство прекратились или уменьшились. Костромскіе корреспонденты единогласно отмѣчаютъ значительное улучшеніе деревенскихъ отношеній, въ видѣ почти полнаго исчезновенія сквернословія, озорства, безобразій (о

томъ же свидѣтельствуютъ Харьковская и Полтавская анкеты) и значительнаго сокращенія проступковъ и преступленій, не исключая убійствъ, грабежей и кражъ. Есть много сообщеній о сокращеніи числа пожаровъ, въ зависимости отъ прекращенія пьянства, каковыя подтверждаются данными пожарной статистики.

Среди корреспондентскихъ отвѣтовъ встрѣчается немало сообщеній судей, чиновъ полиціи, которые приводятъ краснорѣчивый цифровой матеріалъ, свидѣтельствующій о рѣзкомъ паденіи числа проступковъ и преступленій. Мировой судья удостовѣряетъ, что драки, хулиганство и т. п. проступки сократились на $^{15}/_{16}$, становой приставъ—что преступность уменьшилась за это «счастливое время» на $^{7}/_{8}$, безъ водки и полиціи дѣлать нечего. «Въ волостномъ судѣ прежде каждый мѣсяцъ было протоколовъ 30, 50, а теперь совсѣмъ нѣтъ», сообщаетъ судья. «Раньше въ волостномъ судѣ уголовныхъ дѣлъ было около 130 ежегодно, т. е. около 11 дѣлъ въ мѣсяцъ, а нынѣ съ іюля мѣсяца въ судъ поступило 7 дѣлъ, изъ нихъ по 38 ст. ни одного»—сообщаетъ волостной писарь въ декабрѣ 1914 г.

Улучшеніе деревенскихъ нравовъ привѣтствуютъ единодушно корреспонденты всѣхъ анкетъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. «Будто на все село благодать сошла», «новая жизнь настала, миръ, тишина, спокойствіе». «Какъ переродился народъ, настоящій земной рай открылся у насъ», «деревня сдѣлалась неузнаваемой», «нравственность ушла на 100 лѣтъ впередъ; шатуновъ и преступленій совсѣмъ нѣтъ», «какъ будто открылась новая Америка», «владѣльцы хуторовъ ложатся спать спокойно, потому что воровство, драки, озорство отошли въ область преданій», «въ селѣ теперь тишь и гладь и Божья благодать», «лучше и законъ Божій не требуетъ». «Вино много съ собой унесло всякихъ непріятностей: кражъ, убійствъ, раздоровъ, распутства, нищенства, лихоимства. Вино все съ собой унесло, всѣ пороки. Господи Боже мой! Вразуми правительство, чтобы уничтожило навсегда это адское зеліе, отъ котораго чуть-чуть не пошатнулась Россія».

Улучшеніе поведенія молодежи.

Прекрасное вліяніе произвело запрещеніе питейной торговли на деревенскую молодежь, поведеніе которой составляло одно изъ больныхъ мѣстъ деревни. По вопросу о поведеніи молодежи послѣ запрета Харьковская анкета собрала 656 отвѣтовъ, изъ коихъ 86,3% восхваляютъ молодежь, остальные 13,7%, хотя отмѣчаютъ большое улучшеніе, но подчеркиваютъ усиленіе картежной игры. «Молодежь, которая раньше хулиганила, теперь измѣнилась до неузнаваемости», «молодежь какъ бы образованіе получила». Собранія молодежи на досвиткахъ, вечеринкахъ, сопровождавшіяся обыкновенно пьянствомъ, дикими выходками, озорствомъ и настолько серьезными нарушеніями

общественнаго порядка, что мѣстами они были запрещены полиціей,—со времени изъятія водки совершенно перемѣнили свой характеръ: водка замѣняется невинными развлеченіями, пѣснями, пляской, игрою на музыкальныхъ инструментахъ; нерѣдко занимаются совмѣстнымъ чтеніемъ газетъ, книгъ, бесѣдою о войнѣ. Впрочемъ, въ анкетахъ встрѣчается немало указаній на то, что на вечеринкахъ начинаетъ усиливаться игра въ карты на деньги, пряники и конфекты.

Ростъ личности крестьянина.

Сошедшая на деревню «благодать», несомнѣнно, находится въ тѣсной связи съ повышеніемъ нравственнаго уровня большинства населенія, съ ростомъ личности крестьянина, которая, съ освобожденіемъ отъ водочнаго ига, получила возможность къ нормальному развитію и выявленію.

«Народъ сталъ честнѣе», «завелись у людей порядокъ и опрятность», «люди стали серьезнѣе, вдумчивѣе». «Болѣе стало честности и вѣжливости, аккуратности въ обращеніи и выборѣ словъ, чего раньше этого не проявлялось», «на улицахъ не слышно бранныхъ словъ и криковъ», «обращеніе между собой народа стало вѣжливѣе», «народъ сталъ несравненно добрѣе и съ охотою помогаетъ бѣднымъ и неимущимъ». Многія сообщенія отмѣчаютъ народную отзывчивость къ разнымъ сборамъ на нужды войны, къ помощи семьямъ призванныхъ на войну. «Безъ водки хозяева во всемъ самостоятельнѣе», «мы теперь, какъ свободные граждане», «всякій и богатый и бѣдный, и умный, и такъ себѣ находятъ, что какъ бы получили новое почетное званіе и стараются не ронять его». «Всѣ будто получили образованіе».

Такъ вполнѣ согласно рисуютъ корреспонденты умилительную картину моральнаго обновленія трезвой деревни. Прежніе грубые привычки, обычаи и порядки, питавшіеся водкой, рушатся и закладываются новые здоровые устои народной жизни.

Ростъ духовныхъ запросовъ.

Главный толчокъ къ подъему духовныхъ запросовъ деревенскаго населенія дала война, которая, всколыхнувъ деревню, расширила ея кругозоръ и вывела ее изъ сферы мелкихъ узкихъ интересовъ; но въ этомъ отношеніи имѣло большое значеніе, по единодушнымъ отзывамъ корреспондентовъ, и устраненіе водки.

«Увидѣлъ народъ свѣтъ, который водка закрывала». Освободилось сознаніе отъ пьянаго тумана, явился досугъ, здоровое самочувствіе, и народная душа открылась для воспріятія новыхъ навѣянныхъ войной захватывающихъ впечатлѣній.

Желая слѣдить за военными событіями, съ которыми связывала мысль объ ушедшихъ на войну близкихъ род-

ныхъ, переписка съ ними, посылка въ армію подарковъ, частые наборы,—крестьяне жадно потянулись къ газетѣ. Появился необычайный интересъ къ ней. Изъ 400 костромскихъ сообщеній только въ 26-ти отмѣчается, что въ ихъ деревняхъ газетъ не выписываютъ. «Но въ части и этихъ сообщеній указывается, что желающихъ читать много, только выписываютъ немногіе». «Гдѣ не было газетъ вовсе, теперь выписываютъ до 20-ти». «У насъ въ волости подписчиковъ на газеты было всего 4 человѣка, а теперь 30», «газетъ стали выписывать разъ въ 7 больше», «въ нашей волости, насчитывающей 15 селеній, изъ крестьянъ выписывали газеты только трое, а теперь—«Биржевыя Вѣдомости» получаютъ 5 человѣкъ, «Русское Слово»—3, «Современное Слово»—3, «Копейку»—3, «Русское Чтеніе—1, «Утро Россіи»—1». За недостаткомъ средствъ, газеты часто выписываются въ складчину, селеніями, обществами и «читаютъ сообща», «каждый вечеръ обязательно гдѣ нибудь въ избѣ собираются крестьяне и слушаютъ газету», «газета зачитывается до того, что бумага становится никуда негодной», «въ каждой хатѣ имѣется карта военныхъ дѣйствій».

Газета дала народу немало новой пищи для ума. Въ народѣ пробуждаются новые запросы, усиливается интересъ и къ книгѣ. Въ анкетахъ имѣется много сообщеній, особенно отъ народныхъ учителей и учительницъ, о возрастающемъ спросѣ на книгу, интересѣ къ народнымъ чтеніямъ, театру и кинематографу, гдѣ онъ имѣется.

Изъ многихъ мѣстъ слышатся требованія библіотекъ и книгъ. Отовсюду идутъ сообщенія о стремленіи къ знанію, особенно прикладному, желаніи просвѣщенія и вообще о ростѣ сознательности среди деревенскаго населенія. На вопросъ Екатеринославской анкеты—«чѣмъ крестьяне занимаются въ праздничное и свободное время (работа, чтеніе, бесѣда и проч.)—получились слѣдующія сообщенія: чтеніемъ—59% отвѣтовъ, бесѣдой—35%, работой—6%.

Подъемъ религіознаго настроенія.

Съ началомъ войны замѣтенъ сильный подъемъ религіознаго настроенія деревни. Большинство корреспондентовъ отмѣчаетъ болѣе усердное посѣщеніе храма; «являются въ храмъ Божій такіе, которые не были по нѣскольку лѣтъ». О рѣзкой перемѣнѣ въ этомъ отношеніи единодушно высказываются священники. «Сильный подъемъ религіозный; посѣщеніе храма очень аккуратное, чего раньше не наблюдалось». «Религіозный духъ горитъ огнемъ яркимъ. Прежніе пьяницы, не ходившіе никогда въ храмъ, теперь почти каждое служеніе ходятъ, молебствуютъ, ставятъ свѣчи,—стали добрыми христіанами». «Наблюдается большая отзывчивость къ жертвамъ на нужды церквей», «открываются церковныя попечительства,

воздвигаются новыя церковныя постройки, которыя раньше откладывались».

Лица, разрабатывавшія анкетные матеріалы по Екатеринославской и Полтавской губерніямъ, склонны были ставить этотъ подъемъ религіознаго настроенія въ зависимость отъ войны, которая выдвинула вопросы о жизни и смерти. Но многіе изъ Полтавскихъ корреспондентовъ видятъ причину подобнаго явленія въ другомъ,—именно въ водворившейся въ деревнѣ трезвости: она переродила пьяницъ, которые сдѣлались хорошими христіанами, и отвлекла вообще населеніе отъ пивныхъ и кабаковъ, которые усердно посѣщались особенно въ праздничное время, даже во время богослуженій. Значеніе трезвости въ дѣлѣ религіознаго воспитанія народа выступаетъ яснѣе, при сравненіи народнаго настроенія во время японской войны и теперешней. Тогда «провожали запасныхъ, да дорогу гладили», выражается одинъ корреспондентъ, а теперь запасные говѣютъ и изъ церкви отправляются къ подводамъ для отъѣзда... А раньше что было. Во время японской войны одинъ нашъ запасный забѣгалъ къ мѣстному землевладѣльцу съ словами: «убью, я за него иду воевать. А теперь онъ же самый въ числѣ съ другими пришелъ проститься». И прежняя война принесла народу немало горя, а однако она не могла столь успѣшно «привести къ Богу», какъ теперешняя трезвая.

Вліяніе трезвости на общественную жизнь въ деревнѣ.

Принудительная трезвость отразилась весьма благопріятно и на общественной жизни деревни. Всѣ анкеты съ рѣдкимъ единодушіемъ отмѣчаютъ возросшій интересъ крестьянъ и болѣе сознательное отношеніе ихъ къ мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ. «Сходы стали многолюдны», «проходятъ толково», «сознательнѣй», «тихо», «безъ брани и шума», «честнѣе и скорѣе», на сходахъ нѣтъ «луженыхъ глотокъ»,—«всѣ онѣ безъ вина притихли и ходъ общаго дѣла ускоряется и идетъ правильной дорогой». Замѣчается рѣзкое несоотвѣтствіе съ печальнымъ прошлымъ. «Раньше большинство доходныхъ общественныхъ суммъ пропивалось и получались только неудовольствія». «На общественныхъ сходахъ и частныхъ дѣла рѣшались пьянствомъ, а въ селеніяхъ торжествовала водка: пропивали общественный лѣсъ, покосъ, землю, дрова въ готовомъ видѣ и на корню. Ни одна сдѣлка, какъ ряда пастуха, судьбища въ потравахъ, перекосахъ, въ мірскихъ денежныхъ работахъ,—ни одна сдѣлка не могла пройти безъ водки. Всякія мірскія доходныя статьи уходили на водку. Однимъ словомъ, порядочному человѣку и житья не было. Залитыя водкой горла не давали и слова полезнаго высказать. Но теперь, какъ видится, точно все переродилось, и тѣхъ пчелъ не узнаешь, которыя ютились около своего пьянаго улья,—теперь у всѣхъ умъ здоровый, хотя тупой; и самые коренные сторонники

водки благодарятъ трезвость». Подкупы виномъ широко примѣнялись при рѣшеніи дѣлъ въ волостныхъ сходахъ, при наймѣ и учетѣ должностныхъ лицъ. «Теперь ничего этого нѣтъ»—радостно свидѣтельствуютъ корреспонденты. Нѣкоторыя изъ сообщеній подробно учитываютъ, сколько и по какимъ случаямъ прежде пропивалось общественныхъ суммъ. Изъ нихъ видно, что на пропой обществомъ шло не менѣе 1 руб. съ каждаго домохозяина [1]). Послѣ попойки на общественный счетъ обыкновенно слѣдовало продолженіе ея «на свои». Но зло пьянства на сходахъ скопомъ далеко не выражалось только этими затратами на покупку вина. Гораздо важнѣе то, что оно вносило полную разруху въ общественное хозяйство, дезорганизацію въ деревенское самоуправленіе и служило огромнымъ соблазномъ для всего населенія, а особенно для молодежи.

Въ Московской анкетѣ приводится немало сообщеній, что съ наступленіемъ трезвости деревенское населеніе проявляетъ болѣе сильный интересъ къ кооперативамъ. Особенно это замѣтно со стороны молодого поколѣнія. Старые же тяготѣютъ къ волостнымъ сходамъ, а къ кооперативамъ мало расположены. Анкета, отмѣчая это расхожденіе двухъ поколѣній и возможность треній между волостными сходами и кооперативами, присовокупляетъ, что «какъ бы то ни было, но нужно признать: въ деревнѣ вообще растетъ интересъ и сознательность въ отношеніи къ мѣстнымъ учрежденіямъ, будутъ ли то волостные сходы, кооперативы или земство, съ наступленіемъ же трезвости самодѣятельность сельскаго населенія, несомнѣнно, повысилась; навыки у крестьянъ къ самоуправленію увеличиваются».

Спокойствіе деревни во время наборовъ.

Благодаря неотуманенному алкогольнымъ ядомъ сознанію, уравновѣшенному, трезвому самочувствію, народу легче было пережить тѣ тяжелые моменты жизни, которые выпали на его долю по случаю войны: частые наборы новобранцевъ, запасныхъ и ратниковъ. Анкеты, Костромская и Нижегородская, дали много сообщеній, которыя восторженно отмѣчаютъ, въ какомъ спокойномъ и бодромъ настроеніи проходили періоды наборовъ, «тихо, хорошо, безъ обычнаго разгула и безобразій», какъ было при торговлѣ водкой. «Наборъ напряженный, въ чемъ выражается сила и духъ народа. Никакихъ столкновеній ни между собою, ни съ плѣнными нѣтъ—это поразительно.» «Будь нынче водка—и не собрать бы». «Только благодаря запрещенію спиртныхъ напитковъ можно собирать запасныхъ и ратниковъ

[1]) Приблизительно такая же цифра получилась по моимъ расчетамъ въ Пензенской губ., что составитъ около 4% общаго потребленія (см. мою статью—Анализъ деревенскаго потребленія вина въ Пензенской губ.).

безъ скандаловъ. Теперь, какъ объявятъ мобилизацію, собираются всѣ, кому слѣдуетъ, умоются слезами и пойдутъ съ пѣснями, гармониками и балалайками. Прощаются съ родными и знакомыми, вмѣсто водки, прощальнымъ поцѣлуемъ». Только два—три сообщенія изъ всѣхъ Костромскихъ говорятъ о недовольствѣ призываемыхъ отсутствіемъ водки.

IV.

Общіе выводы изъ земскихъ анкетъ.

Мы представили въ общихъ чертахъ ту картину высоко благотворнаго вліянія запрещенія питейной торговли на самыя разнообразныя стороны народной жизни, которая изображена яркими красками деревенскими корреспондентами.

Общее заключеніе ихъ, что запрещеніе питейной торговли какъ бы переродило деревню—«передъ людьми открылся новый міръ», «люди увидѣли свѣтъ въ своихъ глазахъ», «солнце стало свѣтить ярче», «свершилось библейское чудо», «наступилъ рай на землѣ». Многіе корреспонденты сравниваютъ запрещеніе спиртныхъ напитковъ по своимъ послѣдствіямъ съ великой реформой освобожденія крестьянъ и обращаются съ горячею благодарностью къ Государю за избавленіе отъ тѣхъ неисчислимыхъ бѣдъ, виною которыхъ была водка.

Эта свѣтлая картина народнаго отрезвленія—общая для всѣхъ мѣстностей, о которыхъ говорятъ земскія анкеты. Вездѣ, и на сѣверѣ и на югѣ, въ чисто земледѣльческихъ и промышленныхъ мѣстностяхъ, деревня восторженно привѣтствуетъ трезвость. Очень часто корреспонденты разныхъ губерній описываютъ явленія и передаютъ народныя настроенія въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Получается въ высокой степени трогательный по своему воодушевленію, стройности, могучій народный хоръ, поющій гимнъ трезвости. Можно ли при такихъ условіяхъ заподозрѣть правдивость и искренность народнаго голоса? Ни одна анкета не даетъ основаній для подобныхъ сомнѣній. Наоборотъ, въ анкетахъ отмѣчается исключительно внимательное, живое, вдумчивое и серьезное отношеніе корреспондентовъ къ поставленнымъ вопросамъ. Далеко нельзя сказать также, чтобы статистики, разрабатывавшіе анкетные матеріалы, не были склонны критически относиться къ восторженному описанію деревенскими корреспондентами плодовъ трезвости. Въ иныхъ случаяхъ они проявляли даже излишнюю недовѣрчивость къ сообщеніямъ корреспондентовъ и стремленіе ослабить ихъ выводы. Такъ, Московскіе статистики почему то игнорировали категорическое свидѣтельство 46% сообщеній объ *улучшеніи* крестьянскаго хозяйства, вслѣдствіе запрещенія питейной торговли, и построили, якобы на основаніи анкеты, свой совершенно неожиданный выводъ, что крестьянскія «хозяйства,

несмотря на дороговизну, войну и неурожай 1914 г., *не пошатнулись»;* причемъ запрещенію питейной торговли отвели лишь одно изъ мѣстъ среди факторовъ, сохранившихъ равновѣсіе хозяйствъ, указывая еще на помощь семьямъ призванныхъ на войну, земскія ссуды на обсѣмененіе полей, помощь кооперативовъ и выдачу населенію казенной работы. Откуда слѣдуетъ такое заключеніе—непонятно; корреспондентскимъ же сообщеніямъ они не придали должнаго значенія, мотивируя это тѣмъ, что «анкетой почти не были захвачены наиболѣе несостоятельные слои деревни (?), съ другой стороны, отвѣчавшіе *въ громадномъ большинствѣ случаевъ готовы были переоцѣнить значеніе прекращенія продажи питей»* (Курс. нашъ). Надо замѣтить, что корреспонденты давали свѣдѣнія между прочимъ о собственныхъ хозяйствахъ. Трудно допустить, чтобы они не могли уяснить себѣ вліяніе запрета на ихъ личное хозяйство. Въ чемъ же г.г. статистики усмотрѣли «переоцѣниваніе» значенія запрета? Этого, къ сожалѣнію, не указано.

Что же касается того соображенія, что отвѣты наиболѣе состоятельныхъ слоевъ населенія способны усилить значеніе запрета, то его совершенно нельзя считать правильнымъ. Оно опирается на другое, также ошибочное, общее положеніе, которое проводится въ Московской анкетѣ (см. стр. 55, 63), именно—что перераспредѣленіе народныхъ доходовъ на почвѣ сбереженій отъ водки имѣетъ тенденцію происходить въ сторону болѣе мощныхъ слоевъ деревни. Нѣтъ, отрезвленіе дѣйствуетъ какъ разъ въ обратномъ направленіи; оно поднимаетъ и ставитъ на ноги главнымъ образомъ низы населенія: горькихъ пьяницъ, забросившихъ свое хозяйство, шатуновъ, нищихъ бездомныхъ, деревенскихъ мастеровыхъ и ремесленниковъ, безлошадныхъ хозяевъ, потому что въ ихъ бюджетѣ водка играла куда болѣе видную роль, чѣмъ въ сильныхъ хозяйствахъ. Поэтому, если бы въ Московской анкетѣ были полнѣе представлены менѣе состоятельные слои населенія, то отвѣтовъ объ улучшеніи хозяйствъ получилось бы не 46%, а значительно больше. Сами г.г. Московскіе статистики правильно замѣчаютъ (стр. 27), что обрядовое пьянство, на которое шло большое количество вина, выпиваемаго въ деревняхъ [1]), хотя и находилось въ зависимости отъ достатка двора, но эта зависимость была поставлена въ опредѣленныя рамки обычаемъ, требовавшимъ, чтобы *расходъ не опускался ниже опредѣленнаго минимума.* Вотъ этотъ то минимумъ, особенно при справленіи свадебъ, крестинъ, похоронъ, храмовыхъ праздниковъ и проч., оказывался куда чувствительнѣе для бѣдняка, чѣмъ

[1]) По моимъ изслѣдованіямъ въ Пензенской губ.—свыше 40% всего потребленія («Анализъ деревенскаго потребленія»).

для богатаго. Поэтому избавленіе отъ водки первый будетъ привѣтствовать и чувствовать на своемъ хозяйствѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ послѣдній. Совершенно справедливо замѣчаетъ одинъ изъ Московскихъ корреспондентовъ, что при трезвости «крестьяне, которые были бѣдные черезъ водку, будутъ жить хорошо, *но зажиточнымъ будетъ хуже: 1) работать задешево не пойдутъ; 2) землю не будутъ продавать, а продадутъ, то по дорогой цѣнѣ*». Трезвость не углубляетъ имущественное неравенство различныхъ слоевъ населенія, а сглаживаетъ его.

Нижегородская анкета отмѣчаетъ, что «не всѣ отвѣты корреспондентовъ свободны отъ увлеченій. Встрѣчаются иногда изъявленія восторга въ выраженіяхъ, которыя нельзя не назвать гиперболическими: съ закрытіемъ водочной торговли насталъ на землѣ рай, все ожило, воскресло, народъ сталъ богатъ. Есть и такіе корреспонденты, которые приписываетъ прекращенію пьянства такія явленія, въ которыхъ оно, быть можетъ, и совсѣмъ неповинно. Такъ, одинъ учитель пишетъ: нынѣшнимъ годомъ двое крестьянъ умерли отъ чахотки, благодаря ихъ привычкѣ пить холодное пиво».

Приводимъ эти примѣры, какъ доказательство того, что для лицъ, кои не имѣли возможности непосредственно и близко наблюдать картину дѣйствительнаго *перерожденія* бывшихъ пьяницъ, лично не участвовали въ жизни прежней пьяной и теперешней трезвой деревни, естественно, могли показаться преувеличенными восторженные отзывы деревенскихъ корреспондентовъ о послѣдствіяхъ запрета.

Но голосъ народа и лицъ, стоящихъ близко къ нему, звучитъ въ гимнѣ трезвости такою неподдѣльною искренностью, правдивостью, безъ тѣни какой либо предвзятости и тенденціозности, что долженъ былъ разсѣять всѣ предубѣжденія и маловѣровъ убѣдить въ томъ, что въ деревнѣ дѣйствительно произошли такія огромныя перемѣны къ лучшему, благодаря запрещенію питейной торговли, которыхъ никто не могъ ожидать.

Поэтому, даже Московскіе статистики, признавая въ своемъ заключеніи послѣдствіями запрета,—«ростъ личности крестьянина въ нравственномъ отношеніи и въ смыслѣ сознательности, ростъ и укрѣпленіе семьи и семейнаго счастія у крестьянина, значительное улучшеніе положенія женщины, ростъ внѣшняго благочинія въ деревнѣ и усиленіе интереса къ мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ и учрежденіямъ, ростъ и интенсификацію крестьянскаго сельскаго хозяйства», присовокупляютъ, что по справедливости «отрезвленіе пользуется въ деревнѣ огромной популярностью» (стр. 92 и 84).

Нижегородская анкета, приводя вышеизложенныя «не свободныя отъ увлеченій» сообщенія корреспондентовъ, заключаетъ, что «подобныя сообщенія встрѣчаются однако настолько рѣдко, что совершенно теряются, утопаютъ въ общемъ ходѣ единодушныхъ и справедли-

выхъ отвѣтовъ о благотворности результатовъ прекращенія водочной торговли» и дѣлаетъ общій выводъ, «все это ясно говоритъ, какъ нужна, какъ дорога, какъ полезна народу трезвость».

Екатеринославская анкета въ заключеніи отмѣчаетъ, что «общій выводъ изъ всѣхъ перечисленныхъ выше цифръ и подлинныхъ отвѣтовъ анкеты—это громадное оздоравливающее вліяніе трезвости. Она сократила хулиганство и преступность, сдѣлала людей нравственнѣе и внимательнѣе къ своимъ близкимъ, направила ихъ заботы къ хозяйству и повысила производительность ихъ труда».

Костромская анкета свидѣтельствуетъ, что «атмосфера деревни очищается; въ чистомъ воздухѣ трезвости какъ бы освѣжаются всѣ проявленія жизни общественной, уличной, семейной и личной».

Полтавская анкета дѣлаетъ выводъ, что «вліяніе акта 16 іюля (запрещенія продажи водки) оказалось громаднымъ, своеобразнымъ и порой эффектнымъ. Самое же впечатлѣніе, произведенное на населеніе сказавшимися послѣдствіями этой мѣры, таково, что 16 іюля многими называется уже днемъ второго освобожденія Россіи и сравнивается съ актомъ 19 февраля» [1]).

Населеніе вполнѣ понимаетъ, что прекращеніе продажи питей лишаетъ казну колоссальнаго дохода въ такой моментъ, когда особенно нужны государству средства. Поэтому оно, по собственной иниціативѣ, возбуждаетъ вопросъ о возмѣщеніи утеряннаго дохода посредствомъ введенія новыхъ налоговъ и выражаетъ полную готовность принести денежныя жертвы, лишь бы сохранить дивные плоды трезвости.

Во всѣхъ анкетахъ встрѣчается много отвѣтовъ, которые свидѣтельствуютъ, что населеніе охотно согласно было бы платить добавочные налоги, лишь бы не открывалась питейная торговля—«какіе угодно налоги», «втрое больше теперешнихъ казенныхъ налоговъ», «по 50 коп. съ души», «по 10 руб. съ семьи», «по 5 руб. съ мужчинъ въ возрастѣ 17—50 лѣтъ» и т. д.

Таковъ заключительный аккордъ народнаго гимна въ честь свѣтлаго праздника трезвости.

---

[1]) Въ дополненіе къ разсматриваемымъ 7-ми земскимъ анкетамъ мы считаемъ нелишнимъ указать на вѣсти объ успѣхахъ трезвости, сообщаемыя крестьянскими корреспондентами Симбирскаго Губернскаго Земства. О нихъ мы узнаемъ изъ краткаго очерка «Въ отрезвленной деревнѣ» г. Лаврецкаго, помѣщеннаго въ № 2 Симбирскаго хозяина за февраль 1915 г. Эти письма крестьянъ, которыя въ извлеченіи приводятся г. Лаврецкимъ, рисуютъ совершенно тѣми же красками трезвую деревню, что и приведенныя выше сообщенія. «Въ общемъ деревня совсѣмъ обновилась, заключаетъ г. Лаврецкій, ободрилась, освѣжилась. Словно ее подмѣнили. И люди стали иными и весь укладъ ихъ жизни сталъ новымъ».

V.

Вліяніе запрета на промышленное населеніе Екатеринославской губ.

Мы разсмотрѣли вліяніе запрещенія питейной торговли на деревенское крестьянское населеніе вообще, не раздѣляя его на тѣ или иныя группы по характеру занятій, степени матеріальной обезпеченности, развитія промысловъ, близости къ фабрично-заводскимъ или торговымъ центрамъ и проч. Мы говорили въ общемъ, какъ о чисто земледѣльческихъ губерніяхъ, какъ напр. Пензенской, Симбирской, Полтавской, такъ и о промышленныхъ, какъ Костромской, Екатеринославской или Московской, и замѣчали, что всюду наблюдаются весьма яркія благодѣтельныя послѣдствія запрета, охватывающія всѣ разнообразныя стороны народной жизни. Но такъ какъ главная масса населенія разсматриваемыхъ мѣстностей состоитъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, то естественно предположеніе, не могли ли они заглушить голосъ другихъ, менѣе численныхъ группъ населенія, напримѣръ, промышленныхъ, отношеніе которыхъ къ запрету можетъ быть совершенно иное, чѣмъ крестьянъ, занимающихся исключительно сельскимъ хозяйствомъ.

Рѣзкія бытовыя и хозяйственныя особенности представляетъ фабрично-заводское населеніе, которое и къ алкоголю относилось иначе, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы. Если послѣдніе пьянствовали главнымъ образомъ при извѣстныхъ торжественныхъ событіяхъ народной жизни и вообще прибѣгали къ водкѣ, когда принято обычаемъ выпивать (могарычи, помочи, общественные сходы, гулянки новобранцевъ и пр.), то фабрично-заводскіе рабочіе, вслѣдствіе нездоровыхъ условій своего быта, необезпеченности и непрочности своего положенія, оторванности отъ цѣлебныхъ силъ природы, страдали болѣзненнымъ тяготѣніемъ къ алкоголю, который входилъ въ повседневный обиходъ, въ качествѣ средства, возбуждающаго силы и поднимающаго тягостное самочувствіе. Поэтому можетъ возникать сомнѣніе, могли ли эти слои населенія освободиться отъ власти алкоголя и замѣчается ли оздоровленіе ихъ жизни, благодаря запрещенію питейной торговли.

Изъ земскихъ анкетъ только одна, Екатеринославская, выдѣляетъ промышленные центры и сравниваетъ отношеніе ихъ къ запрету съ земледѣльческимъ раіономъ. Разсмотримъ, къ какимъ выводамъ приводитъ это сравненіе.

Къ промышленной группѣ анкетой отнесены не только поселки, населенные заводскими и рудничными рабочими, а и ближайшія селенія, гдѣ проживаетъ немало заводскихъ рабочихъ. Въ эту же группу включены и селенія съ паровыми мельницами, которыя являются обычно крупными предпріятіями, «вливающими торговую, дѣловую сутолоку въ спокойную сельскую жизнь». Такимъ образомъ въ промышленной группѣ Екатеринославской анкеты осталось немало и чисто

сельскихъ земледѣльческихъ элементовъ, что, конечно, должно ослабить выразительность получаемыхъ путемъ указаннаго сравненія результатовъ. Тѣмъ не менѣе Екатеринославская анкета достаточно ясно показываетъ, какъ отозвалось на запрещеніе питейной торговли населеніе той и другой изъ этихъ группъ.

Такъ какъ среди заводскихъ рабочихъ пьянство было больше распространено и вносило большее разстройство въ ихъ житейскую обстановку, то вынужденное отрезвленіе должно было произвести болѣе сильный эффектъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ земледѣльческихъ, что и видно изъ слѣдующихъ сопоставленій (% полученныхъ отвѣтовъ по отношенію ко всѣмъ отвѣтамъ данной группы):

	промышл.	земледѣльч.
проступки прекратились	31,1	25,4
преступленія »	21,6	13,2
больше работаютъ	46,4	37,3
матеріальное положеніе улучшилось:		
а) появились деньги	21,9	17,4
б) улучшилось питаніе и одежда .	78,1	82,8
жизнь улучшилась	69,7	60,4

По всѣмъ приведеннымъ статьямъ промышленный раіонъ стоитъ на первомъ мѣстѣ; матеріальное положеніе его даже увеличилось рѣзче, несмотря на то, что онъ сильно страдалъ отъ дороговизны, которая меньше чувствовалась земледѣльцами, а для тѣхъ изъ нихъ, которые и при неурожаѣ могли сбывать сельско-хозяйственные продукты, она была и выгодна.

Поэтому естественно, что объ общемъ удовлетвореніи по поводу закрытія питейной торговли свидѣльствуютъ 83% отвѣтовъ промышленной группы, а изъ земледѣльческой 79,8%. Тѣми же цифрами выражаются пожеланія о прекращеніи навсегда всякой питейной торговли. По числу составленныхъ общественныхъ приговоровъ о закрытіи питейной торговли первенство принадлежитъ также промышленной группѣ (52,8% отвѣтовъ, а въ земледѣльческой 36,5%).

Только относительно улучшенія благосостоянія пьяницъ промышленныя группы дали значительно меньшій процентъ показаній—38,1, въ то время какъ земледѣльческія—61,9. Впрочемъ, надо замѣтить, что анкета и не спрашивала прямо о матеріальномъ положеніи пьяницъ, а ставила вопросъ въ общей формѣ—«лучше ли стало жить населеніе; если да, то въ какой степени это зависитъ отъ трезвости»,—такъ что показанія о пьяницахъ давались по собственной иниціативѣ корреспондентами и могли носить поэтому случайный характеръ, хотя ихъ было немало (120 для промышлен-

ной группы и 195 для земледѣльческой). Эти показанія вовсе не приводятся въ анкетѣ; слѣдовало бы проанализировать ихъ содержаніе, чтобы уяснить точку зрѣнія корреспондентовъ. Иначе возникаетъ недоумѣніе, почему получился относительно низкій % показаній, свидѣтельствующій объ улучшеніи матеріальнаго положенія у пьяницъ даже въ земледѣльческой группѣ. Выше мы видѣли, что Харьковская и Костромская анкеты, которыя ставили отдѣльно вопросъ о положеніи хозяйства у пьяницъ, дали не менѣе 90% благопріятныхъ показаній. И другія анкеты отмѣчаютъ особенно рѣзкую перемѣну къ лучшему со времени запрета именно въ семьяхъ, разоряемыхъ прежде пьянствомъ. Напримѣръ, Московская анкета показываетъ, что среди хозяйствъ многопьющихъ дворовъ со сбереженіями оказывается почти вдвое больше, чѣмъ среди малопьющихъ (стр. 49).

Еще болѣе возникаетъ недоумѣній по поводу относительно малаго числа благопріятныхъ показаній для пьяницъ промышленной группы, гдѣ пьянство имѣло, несомнѣнно, болѣе затяжной характеръ и губительный для хозяйства, чѣмъ въ земледѣльческой группѣ, при бытовомъ пьянствѣ, пріуроченномъ главнымъ образомъ къ опредѣленнымъ ограниченнымъ случаямъ, падающимъ преимущественно на осенній или зимній періоды времени, свободные отъ срочныхъ хозяйственныхъ работъ.

Такъ какъ, по свидѣтельству той же Екатеринославской анкеты, моральныя и экономическія послѣдствія запрета выразились ярче во всемъ промышленномъ раіонѣ, сравнительно съ земледѣльческимъ, то непонятно, почему для группы пьяницъ это соотношеніе могло оказаться рѣзко противоположнымъ. Если въ данномъ случаѣ не имѣла мѣсто простая случайность корреспондентскаго матеріала, то приходится искать объясненіе отмѣченному явленію въ томъ, что пьяницамъ промышленнаго раіона удавалось обходить запретительныя мѣры и они не обнаружили того рѣзкаго перехода къ трезвому состоянію, который сказался среди сильно пьянствовавшихъ земледѣльцевъ.

Дѣйствительно, Екатеринославская анкета удостовѣряетъ, что случаи нарушенія трезвости наблюдались значительно чаще въ промышленной группѣ, чѣмъ земледѣльческой (для первой 62,3% показаній, а для второй только 23,7%), потому что къ ней ближе стояли города и крупные поселки, гдѣ можно было раздобыть спиртное. Кромѣ того, и по роду напитковъ въ промышленной группѣ преобладали сильно дѣйствующіе суррогаты водки—денатурированный спиртъ, лакъ, политура, киндербальзамъ, одеколонъ и т. п., потребленіе которыхъ нерѣдко влекло за собою случаи отравленій. На эти суррогаты, которые рѣдко проникали въ отдаленныя отъ городовъ и поселковъ мѣстности, могли жадно набрасываться алкого-

лики промышленной группы, что и могло послужить причиной сравнительно малаго подъема ихъ матеріальнаго положенія. Но едва ли это такъ. По крайней мѣрѣ, и Московская анкета, которая охватывала также промышленные слои населенія и подробно анализировала отношеніе къ запрету различныхъ группъ потребителей, отмѣчаетъ, какъ общее явленіе, что чѣмъ выше было потребленіе спиртныхъ напитковъ въ группѣ, тѣмъ рельефнѣе выразилось благодѣтельное вліяніе на нихъ запрета. Даже подмосковныя деревни, которыя отличались особенно высокимъ потребленіемъ и которыя имѣли большую возможность доставать напитки и при запретѣ, пользуясь близостью Москвы, не представляютъ исключенія изъ приведеннаго общаго правила.

Уже на основаніи этихъ данныхъ можно было предполагать, что и чисто фабрично-заводское населеніе, съ рѣзко выраженнымъ тяготѣніемъ къ алкоголю, должно испытать на себѣ благотворное вліяніе запрета по крайней мѣрѣ не въ меньшей степени, чѣмъ земледѣльческое.

Вліяніе запрета на фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Подтвержденіе этому мы находимъ въ матеріалахъ анкеты, произведенной среди заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго раіона, къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ [1]). Эта анкета дала вполнѣ точный, тщательно разработанный обильный статистическій матеріалъ, основанный на заводской отчетности, личныхъ счетахъ рабочихъ и проч., относящійся къ 172 предпріятіямъ съ общимъ числомъ рабочихъ 214.655 человѣкъ, что составляетъ $^1/_4$ часть всѣхъ рабочихъ Московскаго раіона.

Анкета обнимала 3-хъ мѣсячный срокъ—съ августа по октябрь 1914 г. (т. е. первые 3 мѣсяца запрета), причемъ данныя сравнивались съ соотвѣтственными мѣсяцами 1913 г.

а) Сокращеніе прогуловъ.

Главнѣйшимъ мѣриломъ послѣдствій запрещенія питейной торговли анкета приняла прогулы рабочихъ [2]), которые, съ одной стороны, могли быть точно учтены, а съ другой, являлись преимущественно результатомъ нетрезвости рабочихъ. Оказалось, что прогулы рѣзко сократились за первые 3 мѣсяца—на 27%—въ предпріятіяхъ, работавшихъ въ теченіе этого періода нормально (стр. 18). Если же разсматривать прогулы отдѣльно по полу рабочихъ, то вліяніе трезвости выразится еще рѣзче: въ то время, какъ прогулы

[1]) См. «Отрезвленіе рабочихъ» изд. О-ва заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго раіона подъ редак. Ф. І. Кубацкаго М. 1915 г.

[2]) Подъ прогулами анкета понимала неявки на работу по нетрезвости, болѣзни, семейнымъ обстоятельствамъ и другимъ случаямъ, исключая стачекъ, мобилизацій, отпусковъ и временной пріостановки работы предпріятій.

женщинъ сократились только на 8%, уменьшеніе прогуловъ взрослыхъ мужчинъ опредѣлилось въ 46,8% (стр. 19) [1]).

Въ дѣйствительности сокращеніе прогуловъ по причинѣ трезвости было еще значительнѣе. Дѣло въ томъ, что 50% всѣхъ прогуловъ въ 1913 г. приходились на прогулы по болѣзни, которые въ 1914 г. увеличились на 20%, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, вслѣдствіе прекращенія пьянства. Такой неожиданный ростъ прогуловъ объясняется, съ одной стороны, введеніемъ государственнаго страхованія рабочихъ отъ болѣзней (улучшилась регистрація прогуловъ по болѣзни; рабочіе, прежде являвшіеся на работу съ недомоганіями, теперь стали заявлять администраціи о своей болѣзни для полученія пособій), а съ другой, крупной перемѣной въ рабочемъ составѣ, происшедшей послѣ первыхъ мобилизацій (привлечены лица, не приспособленныя къ заводской работѣ и менѣе здоровыя).

Если исключить вліяніе этихъ побочныхъ обстоятельствъ, то уменьшеніе прогуловъ для рабочихъ всѣхъ возрастовъ составитъ не 27%, а 36%; а для взрослыхъ мужчинъ болѣе 60%, что будетъ соотвѣтствовать почти 14 часамъ рабочаго времени, сбереженнаго каждымъ взрослымъ рабочимъ за 3 мѣсяца 1914 года, сравнительно съ тѣми же мѣсяцами 1913 года,—а это означаетъ, что чистый выигрышъ трудового времени для этой группы рабочихъ выразится въ 2,1% по отношенію къ числу урочныхъ часовъ.

Число прогуловъ особенно значительно сократилось въ дни получекъ и послѣпраздничные, что служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ зависимости ихъ отъ пьянства рабочихъ.

Указывая на уменьшеніе штрафовъ за нарушенія порядка, анкета отмѣчаетъ, что «внутренняя жизнь фабрикъ и заводовъ съ прекращеніемъ продажи вина стала протекать гораздо спокойнѣе, чѣмъ прежде . . . . столкновенія съ администраціей, появленіе въ нетрезвомъ видѣ и другіе случаи нарушеній порядка въ предпріятіяхъ понизились почти вдвое».

б) Поднятіе общей производительности труда.

Кромѣ указаннаго массоваго обслѣдованія прогуловъ рабочихъ до запрета и послѣ, Общество Московскихъ заводчиковъ произвело другую анкету выборочнаго характера для выясненія происшедшихъ перемѣнъ въ отношеніи производительности труда рабочихъ. Обслѣдованію были подвергнуты поименно всего 3.358 человѣкъ, которые въ 1913 и 1914 г.г. исполняли одинаковую работу, изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ, на одинаковыхъ машинахъ и по одинаковымъ сдѣльнымъ расцѣнкамъ. Анализъ полученныхъ матеріаловъ показываетъ, что за 3 мѣсяца 1914 года количество прогуловъ у всѣхъ этихъ рабочихъ, независимо отъ пола, сократилось на 51%, благо-

[1]) Въ «Отрезвленіи рабочихъ» ошибочно пропечатано 36,8%.

даря чему полезное рабочее время увеличилось на 2,6%, что при одновременномъ повышеніи сдѣльныхъ платъ, т. е. интенсивности труда, на 4,4% дало увеличеніе общей производительности труда въ 7,1% [1]).

Еще болѣе показательные результаты получатся, если выдѣлить группу въ 1.505 рабочихъ-мужчинъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, работавшихъ въ 1914 году нормально. Для нихъ увеличеніе общей производительности составитъ уже 9,2% [2]). Если же взять отдѣльныя отрасли промышленности, напримѣръ, металлообрабатывающую, гдѣ прогулы были особенно высоки, слѣдовательно, гдѣ рабочіе особенно страдали отъ нетрезвости, то ростъ производительности труда мужчинъ (859 человѣкъ) выразится уже 12,7%.

«Не надо упускать изъ виду, отмѣчается въ анкетѣ, что даже въ предпріятіяхъ, работающихъ во время войны съ внѣшней стороны нормально, т. е. полное рабочее время, произошли такія измѣненія въ составѣ администраціи и въ характерѣ работы, наконецъ, въ условіяхъ снабженія предпріятій сырыми матеріалами и топливомъ, которыя не могутъ благопріятствовать использованію всей освободившейся интенсивности труда. Да и трудъ рабочихъ въ условіяхъ военнаго времени не можетъ быть достаточно интенсивнымъ, такъ какъ вниманіе рабочихъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ разсѣивается . . . . Поэтому можно быть увѣреннымъ, что трезвость населенія, если она послѣ войны не подвергнется никакимъ испытаніямъ, дастъ могучій толчекъ къ развитію производительныхъ силъ нащего отечества».

Кромѣ того, для правильной оцѣнки оказавшагося прироста производительности труда рабочихъ слѣдуетъ помнить, что приведенныя цифры имѣютъ массовое значеніе, а не относятся только къ рабочимъ, подверженнымъ пьянству.

в) Отзывы промышленниковъ.

Поэтому для выясненія послѣдствій прекращенія пьянства рабочихъ важнѣе не эти общія и сухія цифры, а свидѣтельство лицъ, близко наблюдавшихъ перемѣну въ жизни рабочихъ, происшедшую вслѣдствіе отрезвленія ихъ. Такія наблюденія промышленниковъ, относящіяся къ 63 предпріятіямъ, приведены въ концѣ Московской анкеты; всѣ они вполнѣ согласно свидѣтельствуютъ о рѣзкомъ улучшеніи быта рабочихъ, благодаря прекращенію питейной торговли. Нѣкоторые отзывы отмѣчаютъ поднятіе производительности труда рабочихъ на 20—25% и соотвѣтственное увеличеніе ихъ

---

[1]) Въ данномъ расчетѣ не принято во вниманіе побочное вліяніе возросшихъ въ 1914 прогуловъ по болѣзни. Если исключить его, руководствуясь пріемомъ, отмѣченнымъ выше, то подъемъ производительности труда составитъ около 8%.

[2]) А съ поправкой на прогулы по болѣзни не менѣе 10%.

заработковъ. «Рабочіе одѣлись, обулись, стали больше посылать въ деревню или класть сбереженія въ кассы». Многіе удостовѣряютъ значительное улучшеніе качества работы и болѣе внимательное отношеніе къ ней. «Въ былой періодъ обильныхъ возліяній 80% всѣхъ рабочихъ теряли осмысленное выраженіе лица, ходили, какъ въ туманѣ, съ опухшими глазами и свинцовыми мозгами». Теперь «рабочіе стали сознательнѣе», «меньше лѣни и той сонливости, чѣмъ раньше», уменьшились заболѣванія [1]).

Но особенно восторженно и единодушно подчеркиваютъ промышленники моральныя послѣдствія трезвости. «Прекращеніе продажи спиртныхъ напитковъ переродило общую физіономію рабочихъ массъ—исчезло хулиганство, нѣтъ рѣзкостей, нарушеній порядка, дерзостей, опаздываній на работу», «прекратились взаимныя ссоры и драки». «Прекратились недоразумѣнія и стычки съ администраціей», «нѣтъ жалобъ мастеровъ на рабочихъ», «нѣтъ безсмысленныхъ требованій по пьяному дѣлу», «нѣтъ озорства», «рабочіе всегда вѣжливы», «съ рабочими стало возможно жить и работать».

«Совершенно исчезли случаи буйства въ праздничные дни въ жилыхъ помѣщеніяхъ, тяжелыхъ семейныхъ ссоръ и разныхъ семейныхъ неурядицъ, наблюдавшихся ранѣе».

Отмѣчается также перерожденіе пьяницъ. «Рабочіе, бывшіе неисправимыми пьяницами, теперь находятся на лучшемъ счету. Ихъ поведеніе не оставляетъ желать лучшаго; ихъ не тянетъ ни къ лаку, ни къ политурѣ, ни къ другимъ возбудителямъ; всѣ они пріодѣлись, очистились, въ нихъ засверкали образъ и подобіе Божіе» [2]).

Наблюдая такую картину оздоровленія рабочей среды и убѣдившись на опытѣ, что трезвость рабочихъ служитъ важнымъ условіемъ развитія фабрично-заводскаго дѣла, промышленники привѣтствуютъ запрещеніе питейной торговли и выражаютъ пожеланіе о сохраненіи этой мѣры навсегда.

Слѣдуетъ упомянуть,, что приведенные отзывы относятся къ различнымъ предпріятіямъ, находящимся какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, такъ и въ городахъ, не исключая и г. Москвы. Поэтому, хотя мы и не имѣемъ, къ сожалѣнію, отдѣльныхъ анкетныхъ изслѣдованій, касающихся городскихъ рабочихъ слоевъ, тѣмъ не менѣе вправѣ сдѣлать выводъ, что запрещеніе питейной торговли оказало безусловно благодѣтельное вліяніе на всѣ народныя массы, независимо отъ рода ихъ труда и тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ условій.

---

[1]) Характерно, что администрація фабрикъ, обслуживаемыхъ женскимъ трудомъ, сообщаетъ, что у нихъ «перемѣнъ не произошло», «потому что и прежде спиртные напитки вредно не ощущались».

[2]) Только одно сообщеніе говоритъ о потребленіи денатурированнаго спирта рабочими.

VI.

Приморская деревня въ дни запрета.

Насколько наличность легальной открытой питейной торговли являлась могучимъ факторомъ распространенія алкоголизма даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе имѣло возможность широко пользоваться корчемными дешевыми спиртными напитками, пріобрѣтаемыми отъ тайныхъ торговцевъ, видно изъ данныхъ анкеты, произведенной Статистическимъ Отдѣломъ Приморскаго переселенческаго раіона въ мартѣ мѣсяцѣ 1915 года, относительно вліянія запрещенія продажи водки на деревенскую жизнь Приморской области [1]). Хотя эта анкета дала сравнительно немного отвѣтовъ (360), полученныхъ отъ священниковъ (17%), учителей (41%), крестьянъ и проч. (42%), но зато отвѣты отличались обстоятельностью и довольно подробно описывали жизнь Приморской деревни до запрета и послѣ.

При оцѣнкѣ результатовъ анкеты, необходимо учитывать тѣ исключительныя условія, въ которыхъ находилось питейное дѣло въ Приморской области. Во-первыхъ, тамъ не было казенной продажи вина и виноторговля оставалась частнымъ свободнымъ промысломъ; во-вторыхъ, благодаря близости китайской границы и харбинскаго спиртоваго рынка, она обильно снабжалась контрабандным дешевымъ спиртомъ. Вслѣдствіе этого, пьянство въ Приморской области, особенно въ пограничныхъ мѣстностяхъ съ Китаемъ, достигало ужасающихъ размѣровъ. «Тамъ пили всѣ, какъ отмѣчаетъ анкета: и дряхлые старики, и женщины, и малыя дѣти». На почвѣ алкоголизма замѣчались даже признаки вырожденія. Контрабандный спиртъ успѣшно проникалъ, благодаря своей дешевизнѣ, и вглубь области, такъ что раіонъ его распространенія, по даннымъ анкеты, обнималъ болѣе половины всей территоріи области. И это несмотря на то, что сельскія общества, получая большіе доходы отъ легальной питейной торговли (содержали свои кабаки или сдавали право торговли частнымъ кабатчикамъ), были заинтересованы въ искорененіи контрабанды.

Со времени запрещенія продажи питей и устраненія заинтересованности сельскихъ обществъ въ преслѣдованіи спиртовой контрабанды, послѣдняя, несомнѣнно, должна была получить толчекъ къ дальнѣйшему развитію.

Если всюду мы замѣчаемъ, что съ изъятіемъ водки наиболѣе невоздержанные элементы населенія проявляютъ искательство опьяняющихъ средствъ, не останавливаясь передъ употребленіемъ противныхъ на вкусъ и крайне вредно дѣйствующихъ на здоровье

---

[1]) См. «Запрещеніе продажи водки въ Приморской деревнѣ». Владивостокъ 1915 г. изд. Статистич. Отдѣла Примор. Пересел. раіона.

суррогатовъ водки, притомъ получаемыхъ съ большими трудностями,—то неудивительно, что населеніе Приморской области, лишившись легальнаго вина и имѣя легкую возможность замѣнить его контрабандным спиртомъ, обезпечило ему большій сбытъ и распространеніе.

Но при учетѣ роста контрабанды, по даннымъ анкеты, мы встрѣчаемся съ неожиданными результатами. Казалось бы, что контрабанда должна проникать всюду, парализуя всѣ послѣдствія запрета. На самомъ дѣлѣ положеніе оказывается далеко не столь печальнымъ: 1) раіонъ обслуживанія контрабандой увеличился всего лишь на 13,5% всѣхъ селеній области (вмѣсто 52,1% до запрета онъ обнимаетъ теперь 65,6%), такъ что и теперь 35% селеній остаются еще незараженными контрабандным спиртомъ [1]) и 2) притокъ контрабанды въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ она была до запрета, даже уменьшился въ 20,9% селеніяхъ и остался безъ измѣненія въ 14,6%; въ прочихъ (64,5%) усилился. Къ сожалѣнію, анкета не остановилась на выясненіи причинъ этихъ весьма интересныхъ явленій.

Чѣмъ объясняется, что $^1/_3$ часть всѣхъ селеній области, лишившись легальной водки, не только не замѣнила ее контрабандным спиртомъ, но даже сократила прежнее потребленіе послѣдняго, а $^1/_6$ часть селеній довольствовалась контрабандным спиртомъ въ прежнемъ размѣрѣ? Если сопоставить съ этимъ огромное повышеніе средней стоимости контрабаднаго спирта по области—съ 75 коп. за 1 бут. до запрета до 2 руб. 13 коп. послѣ запрета (спиртъ крѣпостью около 85°),—то невольно напрашивается предположеніе, что контрабандный промыселъ со времени запрещенія питейной торговли испытывалъ какія-то новыя серьезныя затрудненія и потому требовалъ болѣе высокой оплаты. Если бы такой бѣшеный подъемъ цѣнъ объяснялся только отсутствіемъ конкуренціи со стороны легальнаго спирта, то на контрабандный промыселъ набросилась бы масса любителей легкой наживы и въ результатѣ, съ одной стороны, понизилась бы его рыночная цѣна, а съ другой—онъ буквально залилъ бы всѣ селенія области.

---

[1]) Въ анкетѣ на стр. 36 отмѣчается, что «въ селеніяхъ, куда не проникъ еще контрабандный спиртъ . . . . . водку замѣняютъ ханшиномъ, сулею, различными суррогатами (денатуратомъ, политурою, лакомъ и напитками домашняго приготовленія)». Такое заключеніе совершенно не отвѣчаетъ сообщеніямъ корреспондентовъ, изложеннымъ въ приложеніяхъ къ анкетѣ. Подсчетъ ихъ даетъ слѣдующіе результаты относительно мѣстностей, гдѣ не наблюдается спиртовой контрабанды: о потребленіи сули—3 сообщенія, сули съ ханшиномъ—6, денатурата, политуры—3, бродильныхъ напитковъ—14, итого 26, а всѣхъ селеній, не зараженныхъ контрабандой и теперь, 83 изъ числа охваченныхъ анкетою; слѣдовательно, остается еще 57 селеній или 24%, гдѣ ни спирта, ни суррогатовъ, ни даже бродильныхъ напитковъ нѣтъ

Повидимому, спиртовая контрабанда не могла сильно развиться потому, что она являлась слишкомъ темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ общаго запрещенія виноторговли: населеніе, ясно видя благія послѣдствія устраненія водки, не могло сохранить прежняго благосклоннаго отношенія къ контрабандистамъ; затѣмъ, при общей трезвости, каждый случай пьянства рѣзко бросался всѣмъ въ глаза и давалъ мѣстнымъ властямъ, которыя со времени запрета, несомнѣнно, усилили энергію въ преслѣдованіи питейныхъ нарушеній, указанія на проникновеніе контрабаднаго спирта, что облегчало обнаруженіе виновныхъ. Вѣроятно, имѣло значеніе также и то обстоятельство, что многіе изъ прежнихъ контрабандистовъ были взяты на войну.

Какъ бы то ни было, но Приморская анкета вовсе не даетъ указаній на такое сильное развитіе спиртовой контрабанды, котораго можно было бы ожидать, въ виду доступности и дешевизны харбинскаго спирта [1]).

Лучшимъ доказательствомъ безосновательности подобныхъ ожиданій служитъ то благотворное вліяніе запрещенія питейной торговли на жизнь Приморской деревни, которое рисуется Приморскими корреспондентами почти тѣми же красками, какими изображена выше и картина обновленія коренной русской деревни.

Если возьмемъ селенія, гдѣ контрабанда была и раньше, то и въ нихъ корреспонденты отмѣчаютъ слѣдующія рѣзкія перемѣны къ лучшему:

1) прекратились ссоры, драки, хулиганство, кражи и поджоги—43% сообщеній, уменьшились тѣ же проступки—42% сообщеній; итого 85% сообщеній отмѣчаютъ оздоровленіе деревенскихъ нравовъ;

2) сельскіе сходы проходятъ спокойно и дѣловито—87% сообщеній;

---

[1]) То же неожиданное явленіе я имѣлъ случай наблюдать и въ Забайкальской области, при двукратномъ посѣщеніи ея въ 1915 г. Она также обильно снабжалась манджурскимъ контрабаднымъ спиртомъ, водвореніе котораго, правда, усилилось со времени прекращенія казенной продажи вина, но не рѣзко. Главными мѣстами сбыта его служатъ теперь города и большіе поселки, расположенные по линіи Забайкальской жел. дор., которые плохо мирятся съ отсутствіемъ крѣпкихъ напитковъ и жадно набрасываются на спиртъ, тайно привозимый по желѣзной дорогѣ со станціи Манджурія. Деревенское же населеніе и Забайкальской области, особенно удаленное отъ китайской границы на десятки верстъ, легко обходится безъ контрабаднаго спирта, который, если и проникаетъ къ нимъ, то лишь случайно. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только мѣстные чины акцизнаго надзора, но и сельскіе корреспонденты въ своихъ отвѣтахъ на анкету Забайкальскаго О-ва изученія Сибири (результаты анкеты, къ сожалѣнію, не опубликованы).

3) интенсивность работы повысилась—87%;
4) количество прогульныхъ дней уменьшилось—87%;

Даже общее экономическое положеніе населенія улучшилось, несмотря на войну, неурожай и наводненіе, постигшее южные уѣзды Приморской области.

5) сбереженія увеличились—80%;
6) начали лучше кормиться и одѣваться—59%;
7) стали исправнѣе платить:

подати	40%
долги	50%

8) хозяйство улучшилось—60%;
9) нищіе исчезли—72%.

Въ селеніяхъ области, не зараженныхъ контрабандой, отмѣченныя перемѣны выступаютъ еще рельефнѣе. Тамъ всѣ сообщенія, за рѣдкими исключеніями, свидѣтельствуютъ о моральномъ и хозяйственномъ ростѣ деревни.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Европейской Россіи, замѣтенъ подъемъ духовныхъ интересовъ народа, тяга къ газетѣ и книгѣ. На вопросъ—чѣмъ заполняется свободное и праздничное время—корреспонденты дали слѣдующіе отвѣты:

чтеніемъ	50%
работой	11%
играми, пѣніемъ	11%
картами и орлянкой	11%
пьянствомъ и разгуломъ	11%
отдыхомъ	3%
хожденіемъ въ церковь	3%

Знаменательно, что только 11% сообщеній по всей области свидѣтельствуютъ о пьянствѣ.

Естественно, что, при такихъ изумительныхъ результатахъ прекращенія легальной продажи вина, населеніе весьма дорожитъ этой мѣрой и въ массѣ своей высказывается за сохраненіе ея и послѣ войны. Изъ 156 селеній съ контрабандой 42 уже составили приговоры о закрытіи кабаковъ навсегда и, слѣдовательно, рѣшили отказаться отъ большихъ питейныхъ доходовъ. Но и въ прочихъ селеніяхъ ярко выражается тяготѣніе къ запрещенію навсегда—117 сообщеній корреспондентовъ противъ 28, свидѣтельствующихъ о желаніи населенія имѣть водку послѣ войны.

Такимъ образомъ въ Приморской области спиртовая контрабанда является, несомнѣнно, огромнымъ зломъ, для борьбы съ которымъ

нужны чрезвычайныя мѣры, особенно въ виду признаковъ, свидѣтельствующихъ о склонности ея къ дальнѣйшему развитію; но легальная питейная торговля имѣла еще болѣе деморализующее вліяніе на населеніе, прекращеніе которой даже въ селеніяхъ, пораженныхъ контрабандой, сказалось весьма благодѣтельными послѣдствіями.

Приморская анкета даетъ краснорѣчивыя доказательства неправоты тѣхъ, которые, переоцѣнивая значеніе хотя бы широкаго распространенія различныхъ замѣстителей водки, будь то контрабандный спиртъ въ восточныхъ областяхъ Сибири, будь то тайно выкуриваемый спиртъ въ другихъ сибирскихъ губерніяхъ или хмѣльные бродильные напитки въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи,— склонны признать невозможной борьбу съ этими обходами запрета и готовы примириться съ возстановленіемъ легальной виноторговли. Если даже контрабанда не въ силахъ была поработить приморскаго крестьянина, проснувшагося къ трезвой жизни, и затушевать благіе результаты запрета, то какія основанія терять вѣру въ успѣхъ борьбы съ другими, менѣе грозными врагами трезвости, за сохраненіе тѣхъ въ высшей степени цѣнныхъ завоеваній, которыя уже принесли съ собою замѣтное оздоровленіе народной жизни?

VII.

Нарушеніе воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ.

Нашъ обзоръ яркой картины обновленія народной жизни былъ бы недостаточно полнымъ, если бы мы не остановились на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ темныхъ участковъ ея, вырисовывающихся на общемъ свѣтломъ фонѣ послѣдствій запрещенія питейной торговли, то въ видѣ отдѣльныхъ точекъ, то въ формѣ пятенъ, которыя представляютъ изъ себя остатки печальнаго пьянаго прошлаго, еще несмытыя трезвенной волной.

Они свидѣтельствуютъ, что, хотя деревенское населеніе въ массѣ своей чрезвычайно радостно привѣтствуетъ изъятіе изъ продажи спиртныхъ напитковъ, удивительно легко освоилось съ отсутствіемъ ихъ и проявляетъ единодушную рѣшимость рѣзко порвать съ пьяными привычками, воспитанными вѣками,—тѣмъ не менѣе пережитки стараго еще заявляютъ о себѣ; въ деревнѣ наблюдается, преимущественно со стороны элементовъ, наиболѣе подверженныхъ пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, стремленіе замѣнить исчезнувшую водку какими либо другими опьяняющими средствами.

Нельзя ни игнорировать, ни замалчивать этихъ явленій; наоборотъ, необходимо тщательно выяснить ихъ, изслѣдовать ихъ характеръ и степень распространенія.

Необходимо помнить, что, хотя въ народѣ и до запрета жило сознаніе пагубности пьянства и стремленіе освободиться отъ него,

путемъ дачи зароковъ, вступленія въ общества трезвости,—тѣмъ не менѣе зло алкоголизма продолжало ширится и только такая исключительная мѣра внѣшняго воздѣйствія, какъ запретъ, могла поставить рѣшительную преграду народной склонности къ пьянству. Правда, теперь, когда уже успѣли обнаружиться прекрасные плоды вынужденнаго воздержанія, запретъ долженъ поддерживаться не только силою внѣшняго административнаго принужденія, но и рѣзко выразившимися симпатіями къ нему самого народа. Прежнее сознаніе вреда спиртныхъ напитковъ теперь должно было углубиться и укрѣпиться, при видѣ свѣтлой картины быта трезвой деревни. Однако не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать силу этого новаго моральнаго союзника запрета. Мы видимъ на примѣрѣ культурныхъ слоевъ населенія, что злоупотребленія спиртными напитками легко уживаются съ яснымъ сознаніемъ вреда ихъ. Послѣднее оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ другими, болѣе могущественными импульсами, толкающими на путь пьянства. А вѣдь эти импульсы прививались народу вѣками и хотя не могли поработить его здоровой психики, тѣмъ не менѣе имѣли большое вліяніе на нее, котораго нельзя не учитывать.

Поэтому, если мы, дорожа достигнутыми помощью запрета благими результатами, хотимъ, чтобы онъ оставался въ полной силѣ, то должны внимательно присматриваться ко всѣмъ попыткамъ обойти его и изыскивать соотвѣтственныя средства для пресѣченія ихъ въ самомъ зародышѣ; должны тщательно изслѣдовать ту почву, которая питаетъ старыя привычки, и изыскать способы для оздоровленія ея.

Прислушаемся же внимательно къ голосу деревни по поводу наблюдающихся случаевъ нарушеній трезвости и остановимся прежде всего на матеріалахъ Пензенской анкеты, которая, какъ мы видѣли выше, ставила себѣ цѣлью уяснить отношеніе къ запрету каждаго отдѣльнаго потребителя спиртныхъ напитковъ и болѣе подробно разработала вопросъ о распространеніи суррогатовъ.

Мы уже говорили, что Пензенская анкета относилась къ первымъ трезвымъ мѣсяцамъ, притомъ осеннимъ, т. е. обычно наиболѣе пьянымъ, и охватила преимущественно наиболѣе усердныхъ потребителей алкоголя. Все это должно вызвать значительное повышеніе процента лицъ, не выдержавшихъ вынужденнаго воздержанія и прибѣгавшихъ къ замѣнѣ водки тѣми или иными веществами, содержащими алкоголь. Тѣмъ не менѣе такихъ лицъ оказалось, сверхъ всякаго ожиданія, очень немного—изъ 1885 мужчинъ только 259 или 14%, а изъ 107 женщинъ только 10.

Если распредѣлить этихъ нарушителей трезвости на группы, соотвѣтственно степени ихъ прежняго (до запрета) пристрастія къ

спиртнымъ напиткамъ, то окажется, что относительный составъ группъ возрастаетъ съ ростомъ алкоголизаціи.

Группы [1].	Количество отвѣтовъ.	% нарушавшихъ воздержаніе изъ состава данной группы.	
3	93	1	въ среднемъ (бытовое пьянство) 9
4	644	9	
5	278	11	
6	90	15	(привычные потребители) 21
7	261	15	
8	419	26	
вообще	1885	14	

Ту же градацію и ту же связь мы наблюдали и при разсмотрѣніи вопроса о томъ, насколько легко переносили воздержаніе потребители различныхъ группъ. Вполнѣ естественно, что чѣмъ сильнѣе были привычки къ алкоголю, тѣмъ труднѣе было освоиться съ запретомъ и тѣмъ чаще были случаи обхода его. Для типичныхъ же деревенскихъ потребителей (3, 4 и 5 группы—бытовое пьянство) % нарушителей трезвости составлялъ не выше 9-ти.

Къ какимъ напиткамъ прибѣгало населеніе, въ цѣляхъ замѣны водки,—показываетъ слѣдующая таблица:

	въ %% къ общему числу лицъ, нарушавшихъ воздержаніе (259).	въ %% къ общему числу сообщеній о суррогатахъ по анкетѣ (1885).
1) къ бродильнымъ напиткамъ домашняго изготовленія (квасу, брагѣ, пиву) .	60	8,4
2) къ денатурированному спирту, политурѣ, лаку, сивушному маслу	22	3,1
3) къ винному спирту	5	0,7
4) къ виноградному вину.	7	1
5) къ киндеръ-бальзаму	3	0,4
6) къ прочимъ напиткамъ	3	0,4
Итого	100	14

На первомъ мѣстѣ стояли наиболѣе невинные напитки, приготовляемые домашнимъ способомъ путемъ броженія хлѣбныхъ и сахаристыхъ припасовъ, т. е. такіе, которые и прежде обычно готовились деревенскимъ населеніемъ на свадьбы, престольные празд-

[1]) Что означаютъ эти группы—см. выше на стр. 8-ой.

ники, помочи и пр. Хотя со времени запрета они получили болѣе широкое распространеніе, появились спеціальные квасовары, выпускающіе въ продажу квасы хмѣльные, съ высокимъ содержаніемъ алкоголя, чаще всего 5°, а иногда даже 10°, нерѣдко съ одурманивающими примѣсями, вродѣ табачнаго настоя; но все это, судя по анкетѣ, не практиковалось въ широкихъ размѣрахъ: только $^1/_8$ часть отвѣтовъ свидѣтельствовала, что эти напитки покупались на базарахъ или въ шинкахъ, остальные же корреспонденты готовили ихъ дома и потребляли только на праздникахъ. Но вообще замѣтно стремленіе къ усиленію крѣпости этихъ напитковъ и приданія имъ опьяняющихъ свойствъ.

Къ сильнодѣйствующимъ средствамъ (денатурированному спирту, политурѣ, киндеръ-бальзаму и пр.) прибѣгали главнымъ образомъ типичные алкоголики и почти всѣ они перестали употреблять эти суррогаты, вслѣдствіе крайне дурныхъ послѣдствій для здоровья— «очень и очень плохихъ головныхъ болей, ломоты всѣхъ костей», «рѣзи живота», «дрожанія всѣхъ членовъ», «пересталъ, боюсь умереть и оставить семью сиротами». Лишь одинъ—два отвѣта выставляютъ причиною прекращенія то, что «негдѣ достать» ихъ.

Многіе потребители, желавшіе замѣнить водку бродильными напитками, должны были разочароваться въ этомъ—одни, потому что не получали удовлетворительнаго опьянѣнія—«выпивалъ по 2—5 бутылокъ, пьянѣлъ слабо; только страшно вздувало животъ», другіе — вслѣдствіе тяжелыхъ послѣдствій, очевидно, отъ одурманивающихъ примѣсей—«внутренность ѣстъ, болитъ голова и сосетъ сердце».

Вообще изъ 259 человѣкъ, пившихъ различныя опьяняющія средства, только 61 или около $^1/_4$ части, что составитъ лишь 3 % всѣхъ отвѣтовъ анкеты, не перестали прибѣгать къ нимъ.

Въ прочихъ земскихъ анкетахъ вопросъ о суррогатахъ выясненъ менѣе точно. Онѣ ставили корреспондентамъ вопросъ въ общей формѣ—«не наблюдается ли потребленія вмѣсто водки какихъ либо напитковъ и какихъ именно». Утвердительные отвѣты на такой вопросъ не давали никакого представленія о степени распространенности различныхъ замѣстителей водки, потому что могли основываться на наблюденіяхъ единичныхъ случаевъ, на слухахъ, относящихся не только къ селенію корреспондента, но и другимъ сосѣднимъ. Если принять во вниманіе, что при общей трезвости каждый отдѣльный фактъ пьянства рѣзко бросался въ глаза населенію, вызывая толки и догадки, какимъ путемъ полученъ напитокъ, то легко понять, что подсчетъ корреспондентскихъ сообщеній о подобныхъ исключительныхъ явленіяхъ никоимъ образомъ не можетъ быть равноцѣненъ вышеприведеннымъ даннымъ Пензенской анкеты,

которая точно регистрировала нарушителей запрета. Если бы даже всѣ корреспонденты прислали утвердительные отвѣты о практикующейся замѣнѣ водки суррогатами, то это вовсе не значило-бы, что все населеніе прибѣгаетъ къ нимъ, а лишь то, что въ каждомъ селеніи они встрѣчаются, но потребляются, можетъ быть, только самою ничтожною частью жителей. Тѣмъ не менѣе далеко нелишне разсмотрѣть и эти отвѣты.

Количество сообщеній (въ % къ общему числу ихъ), удостовѣряющихъ потребленіе:

АНКЕТЫ.	Водки, спирта, денатурированнаго спирта, лака, политуры и прочихъ суррогатовъ водки.	Виноградная вина.	Бродильныхъ напитковъ домашней выдѣлки.	Итого.
Костромская. . .	12	—	2,8	14,8
Нижегородская .	11	—	5	16
Московская . . .	24	—	—	24
Полтавская . . .	?	?	?	20
Харьковская . .	4,3	10,1	28,1	42,5
Екатеринославская	30	8	2	40

По поводу этихъ цифръ въ Полтавской анкетѣ указывается (стр. 20), что для правильнаго пониманія значенія ихъ необходимо «принять во вниманіе обыкновенно единичный и непостоянный характеръ такого потребленія (суррогатовъ), — его, можно сказать, эпизодичность». Въ Нижегородской анкетѣ (стр. 33) имѣется такая же оговорка: «въ корреспонденціяхъ указываются обыкновенно единичные случаи потребленія напитковъ, содержащихъ спиртъ, и кромѣ того приводятся часто факты, имѣвшіе мѣсто въ прежнее время, но уже не встрѣчавшіеся впослѣдствіи. Иногда же описываются случаи, не наблюдавшіеся, а ставшіе извѣстными только по слухамъ, и то относительно другого селенія, не того, въ которомъ живетъ корреспондентъ. И случаи эти почти всѣ около городовъ».

Высокій % сообщеній о потребленіи суррогатовъ въ Московскомъ уѣздѣ и Екатеринославской губерніи объясняется именно

вліяніемъ крупныхъ городскихъ центровъ и большихъ фабричныхъ поселковъ. На волости, ближайшія къ г. Москвѣ, приходится свыше 50% корреспондентскихъ сообщеній о потребленіи суррогатовъ, а на самыя отдаленныя только 10%. Въ Екатеринославской губерніи на мѣстности промышленныя 62,3%, а на земледѣльческія 23,7%; въ Костромской губерніи на мѣстности частью фабричныя 24,8%, а на чисто земледѣльческія—8%.

Въ городахъ и крупныхъ поселкахъ казенныя лавки продаютъ денатурированный спиртъ, имѣются аптеки, аптекарскіе магазины, москательныя лавки, торгующія лакомъ и политурою, остаются еще запасы крѣпкихъ напитковъ въ закрытыхъ частныхъ питейныхъ заведеніяхъ, существуютъ ренсковые погреба съ продажею питей для спеціальныхъ цѣлей,—все это облегчаетъ жителямъ городовъ и ближайшихъ къ нимъ мѣстностей полученіе, при помощи различныхъ незаконныхъ пріемовъ, спиртныхъ напитковъ и суррогатовъ для цѣлей опьянѣнія. Такъ какъ порядокъ отпуска спиртныхъ издѣлій еще недостаточно приспособленъ къ новымъ условіямъ, созданнымъ введеніемъ запретительной системы, то естественно, что широко практикуются различные способы обхода установленныхъ правилъ. Поэтому, чтобы запретъ имѣлъ силу, необходимо прежде всего поставить торговлю спиртными издѣліями въ такія условія, которыя устраняли бы возможность пользованія ими въ качествѣ опьяняющихъ напитковъ.

Въ сельскихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ городскихъ центровъ, населеніе старается замѣнить водку напитками домашняго изготовленія. Тамъ начинаетъ усиливаться варка пива, браги—напитковъ, которые были въ большомъ ходу въ старину, но затѣмъ почти вытѣснены изъ народнаго обихода водкой и заводскимъ пивомъ. Старинный обычай теперь воскресаетъ, но изобрѣтательность направляется въ сторону полученія напитка не столько пріятнаго на вкусъ и освѣжающаго, какъ прежде, сколько охмѣляющаго и могущаго послужить замѣной водки. «Стараются варить (пиво) покрѣпче, но еще не напрактиковались», говорится въ Костромской анкетѣ. «Сейчасъ идутъ поиски опьяняющаго напитка», отмѣчаетъ Нижегородская анкета. Въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ давно уже исчезло домашнее пивовареніе, корреспонденты отмѣчаютъ безуспѣшность попытокъ приготовленія самодѣльныхъ хмѣльныхъ напитковъ. «Парили рожь—не вышло, пробовали изъ дрожжей—тоже, тѣмъ и кончили». «Еще не додумались». Но кое гдѣ техника производства обнаруживаетъ уже успѣхи. Въ Пензенской губерніи, особенно въ мордовскихъ селеніяхъ, получаютъ распространеніе различные виды квасовъ и брагъ съ содержаніемъ алкоголя до 10° и съ различными одуряющими примѣсями. Въ Костромской губерніи нѣкоторые корреспонденты отмѣчаютъ, что начинаютъ приготовлять новый сортъ

хмѣльного пива. Въ южныхъ губерніяхъ искательство напитковъ идетъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ: приготовляютъ ихъ не только изъ хлѣбныхъ припасовъ (пиво, квасъ), но сахаристыхъ, медовыхъ, плодовыхъ и ягодныхъ. Въ Харьковской губерніи уже 28% сообщеній говорятъ о такихъ напиткахъ. Въ Екатеринославской анкетѣ есть единичныя указанія на выкурку водки домашнимъ способомъ.

Правда, всѣ эти попытки не вылились еще въ опредѣленныя формы ко времени производства разсматриваемыхъ анкетъ, носили характеръ опытовъ и не получили мало-мальски широкаго распространенія; тѣмъ не менѣе уже одна наличность ихъ должна остановить на себѣ вниманіе ревнителей трезвости. Если же сопоставить съ этимъ позднѣйшія сообщенія, идущія изъ различныхъ губерній, а въ особенности изъ восточныхъ и сибирскихъ, о растущемъ распространеніи домашней выдѣлки спиртныхъ напитковъ, то станетъ ясно, что на эти тревожныя явленія необходимо серьезно реагировать, такъ какъ они находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ системой запретительныхъ мѣропріятій.

Запрещеніе виноторговли имѣло цѣлью устраненіе возможности потребленія крѣпкихъ напитковъ населеніемъ. Достиженіе этой цѣли немыслимо при наличіи права, предоставленнаго существующимъ закономъ каждому, домашней выдѣлки для собственнаго употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ, исключая водки. Если наложено veto на потребленіе покупныхъ издѣлій, то оно должно быть распространено и на самодѣльные хмѣльные напитки. Иначе каждый будетъ готовить для себя всякую опьяняющую гадость, что повлечетъ за собою крайне печальныя послѣдствія для интересовъ трезвости и народнаго здравія. Если, ради обезпеченія денежныхъ интересовъ казны, воспрещено, подъ угрозою огромныхъ взысканій, всякое домашнее винокуреніе, независимо отъ крѣпости получаемаго вина и предназначенія его—для продажи или для личнаго употребленія хозяина—то забота о насажденіи трезвости, поставленная выше фискальныхъ интересовъ казны, безусловно должна повлечь за собою воспрещеніе домашней выдѣлки не только водки, но вообще всякихъ напитковъ, содержащихъ въ своемъ составѣ алкоголь въ количествѣ, свыше извѣстной предѣльной нормы. Безъ этого условія, запрещеніе питейной торговли явится полумѣрой, не вполнѣ достигающей цѣли.

Изъ приведенной выше таблицы о потребленіи различныхъ напитковъ мы видимъ, что въ губерніяхъ Харьковской и Екатеринославской довольно значительный % корреспондентскихъ сообщеній падаетъ на виноградное вино, которое оказывается распространеннымъ не только въ городскихъ, но и сельскихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе близости винодѣльческаго раіона и наличности свободной продажи

виноградnаго вина въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. Харьковской губерніи. Виноградное вино обыкновенно сдабривается одурманивающими примѣсями или денатурированнымъ спиртомъ и оказывается хорошимъ замѣстителемъ водки. Подобное явленіе отмѣчалось во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣлались попытки открытія торговли виноградными винами въ первые мѣсяцы запрета. Всюду опытъ показывалъ, что на почвѣ потребленія фальсифицированныхъ винъ быстро развивалось пьянство со всѣми печальными послѣдствіями, вслѣдствіе чего приходилось прекращать продажу ихъ.

Такіе результаты необходимо имѣть въ виду, при обсужденіи вопроса, выдвинутаго въ послѣднее время законодательнымъ предположеніемъ 78-ми Членовъ Государственной Думы о желательности допущенія въ городскихъ мѣстностяхъ продажи виноградныхъ винъ и пива. Если окажется неизбѣжной эта уступка тѣмъ слоямъ общества, которые, будучи не въ силахъ послѣдовать примѣру простонародья, желающаго сохраненія полной трезвости, считаютъ невозможнымъ для себя обойтись безъ всякихъ спиртныхъ напитковъ,—то она можетъ имѣть мѣсто лишь при условіи подчиненія торговли виноградными винами и пивомъ настолько суровой регламентаціи, что ею была поставлена рѣшительная преграда къ распространенію этихъ напитковъ для цѣлей пьянства и особенно къ широкому доступу ихъ въ низы населенія, которые умоляютъ избавить ихъ отъ всякаго «спиртного зелья». Безъ такихъ гарантій, торговля этими напитками въ городахъ можетъ погубить все дѣло народнаго отрезвленія.

Скука безъ водки.

Но вернемся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію анкетныхъ матеріаловъ и посмотримъ, какія еще темныя пятна, кромѣ потребленія суррогатовъ, вырисовываются на свѣтлой картинѣ жизни трезвой деревни.

Такъ какъ водка давала временный подъемъ настроенія и скрашивала, хотя грязными красками, скучныя деревенскія будни, то устраненіе ея, конечно, должно повлечь за собою, особенно на первыхъ порахъ, ощущеніе неудовлетворенности и скуки, вслѣдствіе лишенія привычныхъ эмоцій.

Поэтому, естественно, что въ отвѣтахъ деревенскихъ корреспондентовъ встрѣчаются минорныя нотки въ описаніяхъ трезваго времяпрепровожденія — «Праздники проходятъ трезво, но скучно». «Безъ вина скуку чувствуютъ весьма сильную, такъ какъ нечѣмъ повеселиться». Но мы уже видѣли выше, что всетаки огромное большинство сообщеній свидѣтельствуетъ о томъ, что населеніе успѣло оцѣнить по достоинству прежнее пьяное веселье и предпочитаетъ ему теперешнее трезвое спокойное и разумное справленіе празднествъ. Относительно скуки безъ водки былъ поставленъ пря-

мой вопросъ въ Екатеринославской анкетѣ и онъ далъ только 26% утвердительныхъ отвѣтовъ, несмотря на обиліе въ губерніи фабрично-заводскаго населенія, которое особенно тяжело должно было чувствовать отсутствіе спиртныхъ напитковъ. Даже настоящіе алкоголики испытывали, какъ мы видѣли выше, тяжесть лишенія водки лишь въ первое время, а затѣмъ пріобрѣли бодрое настроеніе, какъ бы «воскресли» къ новой здоровой жизни; и только часть ихъ оказалась повидимому безвозвратно погибшей. «Ходятъ растерянными», «какъ подбитая птица», «какіе то чуждые, осиротѣлые»—такъ изображаютъ корреспонденты ихъ самочувствіе.

Развитіе картежной игры.

Противники запрета очень усиленно подчеркиваютъ, что изъятіе водки породило едва-ли меньшее зло, чѣмъ пьянство, это—страшное развитіе въ деревнѣ карточной азартной игры. Но земскія анкеты рисуютъ это дѣйствительно печальное явленіе современной деревни далеко не столь мрачными красками. Мы уже говорили, что всѣ корреспонденты восторженно отзываются о поведеніи молодежи послѣ запрещенія питейной торговли, а вѣдь среди нея то и должна особенно развиться карточная игра. Изъ Харьковскихъ сообщеній только 14%, отмѣчая, наряду съ остальными, улучшеніе поведенія молодежи, свидѣтельствуютъ о развитіи карточной игры, которая иногда порождаетъ крайне нежелательныя послѣдствія. «Молодежь, не имѣя трезвыхъ развлеченій, собирается играть въ карты, въ азартныя игры и, чтобы добыть денегъ, воруетъ у родителей зерно и продаетъ». На вопросъ Нижегородской анкеты—не развились ли азартныя игры—только 21% сообщеній удостовѣрили, что «играютъ болѣе прежняго», но зато 65% свидѣтельствовали, что азартныхъ игръ нѣтъ. Полтавская анкета замѣчаетъ, что «зло это пока еще не получило сильнаго распространенія; во многихъ мѣстахъ карточная игра даже уменьшилась, а то и вовсе прекратилась,—гдѣ за уходомъ главныхъ картежниковъ на войну, гдѣ отъ невозможности утилизировать выигранныя деньги на покупку водки». Изъ 768 Полтавскихъ сообщеній (вообще объ игрѣ въ карты) въ 232, т. е. почти въ $^1/_3$, указывается, что «эта игра невинная» и ведется «для времяпрепровожденія» не на деньги (это обстоятельство, очевидно, упускается изъ виду тѣми лицами, которыя склонны преувеличивать значеніе развивающейся игры въ карты въ деревняхъ). Слѣдующая $^1/_3$ часть отмѣчаетъ даже уменьшеніе или полное прекращеніе игры и столько же сообщеній свидѣтельствуетъ, что «стали играть теперь на деньги болѣе усиленно, чѣмъ прежде». «Однако, говорится въ Полтавской анкетѣ, трезвая атмосфера до того хороша, что многіе (корреспонденты) не придаютъ этому (т. е. усиленію карточной игры) никакого почти значенія, полагая, съ одной стороны, что и при водкѣ картежная игра все равно продолжала бы развиваться, и что пьяный еще больше проигрываетъ, чѣмъ трезвый,

а съ другой—хотя зло это у насъ пустило глубокіе корни, но это не есть слѣдствіе прекращенія торговли водкой, а скорѣй оно развилось при ея участіи».

Итакъ, темныя явленія, наблюдающіяся въ трезвой деревнѣ, въ видѣ потребленія различныхъ опьяняющихъ напитковъ, тягостнаго самочувствія отъ отсутствія пьянаго возбужденія и развитія азартныхъ картежныхъ игръ—вовсе не получили значительнаго распространенія, представляя изъ себя по большей части единичныя уклоненія отъ массоваго уравновѣшеннаго трезваго настроенія. Исключительность подобныхъ явленій служитъ лучшимъ доказательствомъ возможности сохраненія запрета и въ будущемъ. Разъ они не могли омрачить свѣтлости праздника трезвости и затушевать яркой картины обновленія народной жизни, то грознаго значенія не имѣютъ въ глазахъ народа, который въ массѣ своей не выражаетъ опасеній за судьбу трезвости, если только останется въ силѣ теперешнее воспрещеніе питейной торговли. За сохраненіе этой мѣры высказывается огромное большинство корреспондентовъ.

VIII.

Отношеніе деревенскаго населенія къ запрету.

Чрезвычайно важный вопросъ—какъ относится населеніе къ запрету—наиболѣе полно освѣщенъ анкетами: Пензенской, Екатеринославской и Московской. Въ послѣдней результаты подсчетовъ отвѣтовъ и классификація ихъ отмѣчены недостаточно ясно, поэтому остановимся прежде всего на Пензенской и Екатеринославской. Напомнимъ, что Пензенская требовала отъ каждаго корреспондента сообщенія о его личномъ отношеніи къ запрету, а Екатеринославская объ отношеніи вообще населенія. Подсчетъ сообщеній даетъ слѣдующіе результаты:

АНКЕТЫ.	Число сообщеній.	Изъ нихъ желаютъ (въ %% къ общему числу отвѣтовъ).				Неопредѣленные отвѣты.
		Воспретить навсегда всѣ спиртные напитки.	Оставить продажу только виноградныхъ винъ.	Оставить продажу только пива.	Оставить всѣ напитки.	
Пензенская.	2.084	79,2	1,8	3	15	1
Екатеринославская. . .	1.857	81	8	5	6	—

Такимъ образомъ, только $^1/_5$ часть корреспондентовъ не принадлежитъ къ сторонникамъ самой рѣшительной запретительной системы. «Устранить зеленаго змія со всѣми его помощниками», «прикрыть всѣ крѣпкіе напитки и пиво, которое приноситъ вредъ хуже вина, прикрыть навсегда, на вѣки вѣчные», «на вѣчно схоронить это зелье», «уничтожить эту язву»—вотъ громкій голосъ самого народа. Гоненіе объявляется и на легкіе напитки, такъ какъ опытъ показалъ, что и они могутъ успѣшно обслуживать пьянство, вызывая еще большіе расходы, чѣмъ водка. Лишь очень незначительная часть отвѣтовъ высказывается за половинчатое рѣшеніе вопроса—устранить водку, но оставить виноградное вино и пиво. Къ сожалѣнію, въ анкетахъ не содержится указаній, къ какимъ группамъ населенія принадлежатъ эти защитники легкихъ напитковъ и чѣмъ они мотивируютъ свое желаніе оставить ихъ. Впрочемъ, относительно высокій процентъ сторонниковъ виноградныхъ винъ въ Екатеринославской губерніи объясняется развитіемъ въ ней винодѣлія и привычкой населенія къ потребленію слабыхъ винъ.

Но есть еще въ деревняхъ и защитники водки. Разсмотримъ подробнѣе, на основаніи данныхъ Пензенской анкеты, кто они и почему высказываются противъ запрещенія виноторговли навсегда.

Наибольшій % ихъ падаетъ на деревенскихъ чернорабочихъ (22) и затѣмъ на мастеровыхъ (18). Эти группы страдали самой грубой и затяжной формой пьянства, имъ труднѣе всего было примириться съ мыслью объ изъятіи водки. Матеріальная необезпеченность и неустойчивость ихъ быта, слабая связь съ сельскимъ хозяйствомъ, которое для земледѣльца служитъ залогомъ прочности и самостоятельности положенія и является источникомъ здороваго и радостнаго труда—побуждали чернорабочихъ и мастеровыхъ искать пріятныхъ эмоцій въ винѣ и преграждали имъ доступъ къ другимъ разумнымъ переживаніямъ. Вотъ почему среди земледѣльцевъ, даже сильно пьянствовавшихъ, % сторонниковъ водки оказался ниже. Цѣлительная сила земли помогла имъ легче стряхнуть съ себя вѣковое водочное иго.

Если распредѣлить сторонниковъ виноторговли по степени прежняго пристрастія ихъ къ спиртнымъ напиткамъ, то окажется, что больше всего даетъ ихъ группа регулярныхъ потребителей (27%). Они хуже всѣхъ мирятся съ полнымъ воздержаніемъ. «Рюмку выпить считаю пріятнымъ», «умѣю пить въ мѣру», водка служитъ «для развитія аппетита», «для поддержанія силъ», «при простудѣ», водка нужна для помочей, свадебъ, крестинъ и пр. — мотивы ихъ недовольства запретомъ. Эти защитники виноторговли, которыхъ особенно много среди городского населенія и вліятельныхъ элементовъ общества, пожалуй, самые опасные враги запрещенія питей-

ной торговли. У нихъ прочно укоренилась привычка къ ежедневному потребленію алкоголя и такъ какъ она, не нося формы грубаго пьянства, не имѣла яркихъ плохихъ послѣдствій (хотя, конечно, медленно, но вѣрно подтачивала здоровье), то они труднѣе, чѣмъ другіе, выражаютъ готовность разстаться съ крѣпкими напитками. Но всетаки эта готовность налицо, по крайней мѣрѣ у деревенскихъ регулярныхъ потребителей. 73% ихъ все же поддерживаютъ запрещеніе навсегда, руководствуясь въ значительной степени чисто альтруистическими побужденіями. Наступившее царство трезвости оказалось столь блестящимъ по своимъ послѣдствіямъ, что увлекло и ихъ. «Сознавая пользу прекращенія продажи вина не столько для себя, сколько для лицъ, пьющихъ неумѣренно, желаю воспрещенія навсегда». Остается только пожелать, чтобы и городскіе регулярные потребители проявили склонность къ такому же гражданскому самопожертвованію. Тогда судьба трезвости была бы вполнѣ обезпечена.

При разсмотрѣніи отношенія къ запрету прочихъ потребительскихъ группъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ явленіемъ,—потребители, чаще переступавшіе границы умѣренности въ пользованіи алкоголемъ, даютъ не большій, а наоборотъ меньшій % защитниковъ виноторговли. Такъ, въ разрядѣ бытовыхъ потребителей ихъ 17% изъ группы, напивавшихся рѣдко, и лишь 10% изъ напивавшихся часто; въ разрядѣ алкоголиковъ 18% (группа 7-ая) и 12% изъ настоящихъ пропойцевъ, которые почти ежедневно напивались допьяна. Очевидно, тѣ, кто страдалъ болѣе грубой формой пьянства, яснѣе видѣли пагубныя послѣдствія, отчего и охотнѣе привѣтствуютъ запретъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что даже группа непьющихъ и почти непьющихъ даетъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, довольно высокій % сторонниковъ виноторговли, а именно—первые 4, а вторые 12. Послѣдніе, конечно, не воспитали въ себѣ тяготѣнія къ алкоголю и тѣмъ не менѣе отстаиваютъ его въ такой же мѣрѣ, какъ пропойцы. Такое неожиданное совпаденіе взглядовъ крайнихъ группъ показываетъ, что защита водки покоится не на привычномъ влеченіи къ ней (исключеніе представляютъ регулярные потребители, но ихъ очень мало въ деревняхъ), а на другихъ основаніяхъ, близкихъ и горькому пьяницѣ и почти непьющему крестьянину. Такія основанія диктуются общими условіями ихъ крестьянскаго быта.

Водка, за время своего продолжительнаго господства въ деревнѣ, успѣла настолько въѣсться въ народный обиходъ, стать такимъ неразлучнымъ спутникомъ всѣхъ выдающихся событій народной жизни и даже проникнуть въ сферу экономическихъ отношеній, въ видѣ могарычей,—что мысль объ окончательномъ устраненіи ея не сразу

уложилась въ народномъ сознаніи. Водка считалась чуть не универсальнымъ лекарственнымъ средствомъ, она создавала праздничное настроеніе, благодаря ей легко удавалось найти работника, занять денегъ, совершить выгодную имущественную сдѣлку и пр.—и вдругъ она исчезла. Всталъ тревожный вопросъ: какъ же теперь лечиться, справлять свадьбы, поминать покойника, созывать помочи? Неудивительно, что для Пензенскихъ корреспондентовъ, которые давали свои отвѣты чрезъ 2 мѣсяца послѣ запрета, этотъ вопросъ стоялъ еще довольно остро и среди нихъ оказалось больше сторонниковъ виноторговли (15%), чѣмъ среди корреспондентовъ другихъ губерній, опросъ которыхъ производился позже, когда народъ уже началъ приспособляться къ трезвой обстановкѣ жизни. Екатеринославская, Московская и Костромская анкеты даютъ по 6% сообщеній, высказывающихся за возобновленіе виноторговли послѣ войны, Нижегородская—9% [1]).

Сами корреспонденты даютъ слѣдующую мотивировку своимъ желаніямъ сохранить водку, какъ видно изъ Пензенской анкеты [2]). На первый планъ выдвигается необходимость ея въ качествѣ лечебнаго и подкрѣпляющаго силы средства (45% отвѣтовъ). Водка нужна для ознаменованія празднествъ—28%, ради приносимыхъ ею экономическихъ выгодъ (помочи, могарычи)—18% и наконецъ въ силу привычки къ ней только 9%. Деревенское сознаніе настолько сжилось съ водкой, что даже крестьянскимъ женщинамъ далеко не чужда роль защитницъ ея. Правда, отъ нихъ получено всего лишь 121 отвѣтъ, но изъ нихъ 20 высказываются за сохраненіе виноторговли. Мотивировка Екатеринославскихъ сторонниковъ водки [3]) почти та же, что и Пензенскихъ: водка нужна какъ лекарство—35% отвѣтовъ, какъ подкрѣпляющее средство—12%, при празднествахъ—40%, при отдыхѣ и развлеченіи послѣ труда—13% [4]). Въ прочихъ анкетахъ повторяются тѣ же главнѣйшіе доводы, но появляются нѣкоторые новые: не будетъ водки, казна должна повысить налоги, народъ начнетъ выдѣлывать свои напитки, «вернутся послѣ войны наши герои, тогда ужъ хоть немного, а выпить придется и ничѣмъ тогда не удержишь». Очень рѣдко встрѣчаются и принципіальные противники запретительной системы—«водка отъ тьмы, отъ убожества народнаго—уничтожить ихъ, пройдетъ и пьянство», «прекращеніе продажи водки навсегда есть населенію неудовольствіе

---

[1]) Въ Харьковской анкетѣ не выдѣлены эти отвѣты, а соединены въ общую группу сообщеній какъ неопредѣленнаго характера, такъ и предлагающихъ то или иное частичное разрѣшеніе вопроса о спиртныхъ напиткахъ.

[2]) Такихъ отвѣтовъ получено отъ мужчинъ 264 и отъ женщинъ 121.

[3]) Мотивированныхъ отвѣтовъ получено 99.

[4]) Отвѣты, указывающіе на экономическую заинтересованность въ виноторговлѣ, исключены въ анкетѣ изъ подсчета.

и стѣсненіе, за что и слышится ропотъ, негодованіе и недовольство».

Итакъ, защитниковъ виноторговли очень мало среди деревенскаго населенія—не болѣе $^1/_{10}$ части. Если исключить изъ подсчета отзывы, навѣянные корыстными расчетами прежнихъ эксплоататоровъ народа, въ рукахъ которыхъ водка являлась могучимъ орудіемъ, то число искреннихъ сторонниковъ водки выразится еще меньшей цифрой. Доводы ихъ таковы, что они не могутъ внушать опасеній за прочность трезвости: ложность взгляда на алкоголь, какъ на лечебное или подкрѣпляющее силы средство, легко будетъ обнаружена самой жизнью, которая уже даетъ яркія доказательства важности трезваго самочувствія для поддержанія здоровья и работоспособности; преимущества трезвыхъ празднествъ успѣли ясно обнаружиться предъ народомъ и онъ начинаетъ цѣнить ихъ; еще легче было для него убѣдиться, что водка, прежняя неразлучная спутница экономическихъ сдѣлокъ, оказывала слишкомъ коварныя услуги и въ результатѣ вела къ разоренію хозяйства. Самый опасный доводъ въ пользу виноторговли—наличность въ народѣ привычки, тяготѣнія къ вину, какъ психо-патологическаго явленія, отмѣчается ничтожнымъ числомъ корреспондентовъ.

Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что почти всѣ противники запрещенія питейной торговли навсегда, хотя и желаютъ открытія ея по окончаніи войны, но лишь при условіи подчиненія самымъ суровымъ ограниченіямъ и полнаго искорененія шинкарства, во избѣжаніе прежняго пьянства. «Если же продажа будетъ попрежнему, то лучше не надо ея»—говорятъ они.

Чтобы по возможности парализовать вредъ виноторговли, предлагаются разнообразные способы регламентаціи ея. Большинство высказывается за отпускъ водки исключительно на извѣстные выдающіеся случаи жизни (свадьбы, престольные праздники; нѣкоторые прибавляютъ—крестины и могарычи) «въ самомъ строгомъ размѣрѣ», «понемногу» и по спеціальнымъ разрѣшеніямъ сельскаго старосты, волостного правленія, полиціи или особыхъ общественныхъ комитетовъ. «Отпускать, смотря по человѣку», «не болѣе шкалика въ сутки», «установить норму». Нѣкоторые, вмѣсто этого, предлагаютъ сильно ограничить время торговли: отпускать водку не болѣе одного раза въ недѣлю, одного раза въ мѣсяцъ, трехъ разъ въ годъ. Иные выражаютъ пожеланіе по возможности удалить мѣста продажи—оставить ихъ только въ городахъ или дать право обществамъ и кооперативамъ воспрещать питейную торговлю Выдвигаются и еще болѣе рѣшительныя предложенія—отпускать водку только для леченія, «вродѣ какъ по рецепту».

Какъ видимъ изъ этихъ оговорокъ, многіе изъ защитниковъ виноторговли должны быть, собственно говоря, перечислены въ

разрядъ ея противниковъ, потому что ихъ симпатіи явно склоняются въ сторону почти полнаго запрета; такъ что на сторонѣ виноторговли останется только ничтожная часть деревенскаго населенія.

IX.

Мѣры укрѣпленія трезвости:

а) поддержаніе запрета.

Итакъ, народъ, наблюдая блестящіе результаты трезвости, всецѣло стоитъ за безусловное запрещеніе на вѣчныя времена всѣхъ видовъ спиртныхъ напитковъ. «Рѣзко запретительныя мѣры, безъ всякихъ оговорокъ и поправокъ, находятъ себѣ полное одобреніе среди громаднаго большинства» деревенскаго населенія, отмѣчается въ Московской анкетѣ. Дорожа послѣдствіями запрета, народъ склоненъ привѣтствовать самую рѣшительную и безпощадную борьбу со всякими обходами его. Онъ требуетъ репрессивныхъ мѣръ противъ шинкарства, «ханжистовъ и политурщиковъ», считаетъ необходимымъ регулировать продажу суррогатовъ водки изъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ. Екатеринославская анкета отмѣчаетъ отдѣльныя пожеланія, чтобы пьянство стало недоступно и «панамъ», которые подаютъ развращающій примѣръ остальному населенію.

Запретительная система успѣла настолько завладѣть симпатіями деревенскаго населенія, что большая часть его видитъ въ ней не только главнѣйшее, но и единственно надежное средство насажденія трезвости. Московская анкета слѣдующимъ образомъ резюмируетъ взгляды корреспондентовъ на мѣры укрѣпленія трезвости: «если восторжествовала трезвость при голомъ воспрещеніи, то эта мѣра какъ бы оправдала себя въ жизни и какихъ либо другихъ мѣропріятій въ этой области, разумѣется, искать нецѣлесообразно». Только 6% отвѣтовъ указываютъ на необходимость, одновременно съ запрещеніемъ продажи питей, устройства въ деревнѣ разумныхъ развлеченій и просвѣтительныхъ начинаній, какъ мѣръ, могущихъ дѣйствительно закрѣпить трезвость.

Наиболѣе ярко выражена народная точка зрѣнія на этотъ вопросъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ одного изъ московскихъ крестьянъ. «Какъ отношусь я лично къ запрещенію вина», пишетъ онъ, «давно бы пора». Вѣдь зло всѣми признано. Говорятъ: въ мѣру пить не вредно. А гдѣ мѣра? Говорятъ: на холоду, при работѣ полезно. Да, полезно, вродѣ кнута для лошади. Вообще, можетъ, найдутся защитники вина, но я, несмотря на то, что самъ пьющій изрядно уже около 30 лѣтъ, не могу его защищать. Многіе, я знаю, не могутъ жить безъ вина. Такъ и говорили многіе. А смотрю: живутъ. Ну, есть такіе, что отравляются тамъ денатуратомъ и прочимъ. Да много ли ихъ и ими ли строится жизнь? Вѣдь это же кончится современемъ. Зато же и жизнь пойдетъ! А мѣры для укрѣпленія трезвости? Да вотъ онѣ, эти мѣры: не продавайте. А если будутъ

тайные винокуры—преслѣдуйте. Сначала, да, необходима узда. Что дѣлать, сознаюсь, и я безъ узды не сталъ бы трезвенникомъ. А нѣтъ, ну, что же подѣлаешь. Конечно, нужно бы замѣнить его, это зелье, чѣмъ-нибудь. Ну, что же, будетъ образованіе, театры даже въ деревнѣ, но это потомъ, а пока что узда и узда. Эхъ, хорошо бы газету въ деревню, да недорогую. А то что же: всеобщее обученіе, а читать нечего. Не мѣшало бы въ чайныхъ граммофоны завести, пѣсни и игры, конечно, не азартныя. Вѣдь хорошо бы, говорю—театръ, опять таки подешевле—я бы не одного праздника не утерпѣлъ. Хотя бы электро-театры. Въ Москвѣ, я думаю, чуть не на каждую тысячу жителей, есть. Хорошо бы побольше сахару—а тутъ нормировка. Вообще много бы кое-чего нужно для замѣны вина. Но, я повторяю, все понемногу придетъ и пріѣдетъ. Только дорогито наши деревенскія—не скоро на нихъ доѣдешь-то. А пока узда».

Екатеринославская анкета старалась точнѣе выяснить взгляды народа на силу запрета и поставила корреспондентамъ вопросъ—«что нужно для населенія вашей мѣстности, чтобы *охота и привычка къ вину совсѣмъ пропали* (курсивъ нашъ) и поможетъ ли *этому* одно закрытіе виноторговли». Редакцію вопроса нельзя признать удачной: трудно требовать отъ запрета, особенно имѣя въ виду кратковременное его дѣйствіе, чтобы онъ могъ уничтожить даже тягу къ вину. Хорошо уже то, если онъ поддержитъ трезвость, не позволитъ выявленію укоренившихся пьяныхъ привычекъ въ старомъ поколѣніи и воспитаетъ молодежь въ чистой трезвой атмосферѣ. Знаменательно, что несмотря на указанную формулировку вопроса и на сравнительно широкое распространеніе въ Екатеринославской губерніи, какъ мы видѣли выше, случаевъ нарушеній воздержанія, которые должны были ослабить въ глазахъ населенія значеніе запрета, большинство Екатеринославскихъ корреспондентовъ—именно 56% ихъ (въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ 64% и въ промышленныхъ 44%) рѣшительно заявило, что одно голое запрещеніе поможетъ *полному искорененію охоты и привычки къ вину*.

Очень жаль, что прочія анкеты не затронули этого чрезвычайно важнаго вопроса, да и въ Екатеринославской онъ мало разработанъ: сдѣланъ только общій подсчетъ сообщеній, не анализированы ближе соображенія и мотивы корреспондентовъ, не произведено болѣе детальной группировки ихъ. Больше вниманія удѣлено той части отвѣтовъ, которые выдвигали, наряду съ запретомъ, культурно-просвѣтительныя мѣропріятія.

Затѣмъ, весьма важно было бы выдѣлить голосъ *самаго народа* по этому вопросу; въ Екатеринославской же анкетѣ смѣшаны всѣ сообщенія, а такъ какъ большинство ихъ (чуть не 75%) принадлежало сельской интеллигенціи, то взглядъ крестьянской массы остается не-

выясненнымъ. Если отсутствіе группировки отвѣтовъ по профессіи и сословіямъ корреспондентовъ не имѣло существеннаго значенія для освѣщенія измѣненій, происшедшихъ въ жизни трезвой деревни, такъ какъ и деревенскіе обыватели, не принадлежащіе къ крестьянскому населенію, ясно видѣли послѣдствія трезвости, — то такая группировка оказывается безусловно необходимой, чтобы подойти ближе къ выясненію наиболѣе сложныхъ вопросовъ, касающихся отношенія *народныхъ* массъ къ запретительной системѣ.

Не надо забывать, что исторія алкогольнаго вопроса даетъ намъ краснорѣчивыя доказательства того, насколько различны взгляды простого народа и остальныхъ классовъ общества на значеніе и силу запретительныхъ и ограничительныхъ мѣръ въ сферѣ питейнаго дѣла.

Мысль о необходимости внѣшнихъ мѣръ воздѣйствія на потребителей алкоголя, вплоть до полнаго устраненія изъ торговли спиртныхъ напитковъ, какъ первѣйшаго средства для искорененія пьянства, всегда и всюду жила въ народной душѣ, которая, благодаря своей тѣсной связи съ живительными силами природы, не могла быть порабощена алкоголемъ.

Въ Скандинавскихъ странахъ уже давно почти вовсе изгнана виноторговля изъ сельскихъ мѣстностей, по постановленіямъ сельскихъ общинъ. Въ Финляндіи и Норвегіи общій запретъ не могъ войти въ жизнь только въ виду дипломатическаго воздѣйствія французскаго правительства, которое не желаетъ потерять рынки сбыта для французскихъ винодѣловъ. То же препятствіе встрѣчаетъ и Швеція, гдѣ идея запрета уже готова вылиться въ форму законодательнаго акта. Въ земледѣльческихъ штатахъ Сѣверной Америки, главнымъ образомъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, особенно успѣшно примѣняется запретительная система, популярность которой все растетъ, подъ вліяніемъ агитаціи болѣе демократическихъ слоевъ населенія, такъ что въ декабрѣ 1914 года былъ поставленъ въ палатѣ представителей вопросъ о распространеніи запрещенія на всѣ штаты Америки и большинство народныхъ представителей высказалось за эту мѣру.

Но наиболѣе разительный примѣръ глубокихъ симпатій народныхъ массъ къ идеѣ запрета мы видимъ теперь у насъ, гдѣ только благодаря имъ такъ блестяще удался грандіозный опытъ принудительнаго насажденія трезвости.

Тяготѣніе народа къ трезвости временами бурно проявлялось въ видѣ рѣзкаго протеста противъ питейной торговли; вспомнимъ, напр., грандіозную питейную забастовку въ послѣдніе годы дѣйствія откупной системы [1]).

---

[1]) См. «Исторія кабаковъ въ Россіи» Прыжова.

Желая освободиться отъ кабацкаго засилья и не находя въ себѣ силъ противиться соблазну, народъ всегда искалъ поддержки въ обществахъ трезвости, въ сектантскихъ организаціяхъ, въ дачѣ зароковъ, составленіи общественныхъ приговоровъ объ уничтоженіи кабаковъ,—но все это мало помогало: зло пьянства росло, потому что водка становилась все доступнѣе, вслѣдствіе обилія не столько явныхъ, сколько тайныхъ мѣстъ продажи. Оставалось единственное средство спасенія, это—путь общихъ рѣшительныхъ мѣропріятій въ отношеніи питейной торговли. На этотъ путь и встали представители крестьянъ и духовенства въ 3-ей Государственной Думѣ, во главѣ съ незабвеннымъ борцомъ за трезвость, нынѣ, увы, покойнымъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Челышовымъ.

Много силъ пришлось потратить Михаилу Дмитріевичу и его единомышленникамъ, чтобы вывести рѣшеніе пьянаго вопроса на правильную дорогу, соотвѣтствующую завѣтнымъ желаніямъ народа. Правда, имъ не удалось провести полной запретительной системы, но и тѣ существенныя ограниченія питейной торговли, которыя были положены въ основу выработаннаго Государственной Думой законопроекта, являлись крупной побѣдой.

Не нужно забывать, что народное мнѣніе о необходимости вести борьбу съ пьянствомъ при помощи прежде всего ограничительныхъ и запретительныхъ мѣръ далеко не пользовалось популярностью среди общества, которое, не учитывая рѣзкихъ особенностей нашего деревенскаго пьянства, склонно было трактовать вопросъ о борьбѣ съ нимъ съ предвзятой точки зрѣнія извѣстныхъ теоретическихъ доктринъ. Для многихъ алкогольная проблема являлась средствомъ, чтобы выдвинуть требованія соціально-политическихъ преобразованій. Они старались доказать, что корни пьянства слѣдуетъ искать въ народной нищетѣ и некультурности, а потому единственно правильный путь искорененія его, по ихъ мнѣнію, не внѣшнія мѣры воздѣйствія на потребленіе алкоголя, а улучшеніе экономическаго и соціальнаго быта населенія и поднятіе его культурнаго уровня. Такая точка зрѣнія пользовалась большимъ успѣхомъ среди широкихъ слоевъ интеллигенціи, которые, даже и не раздѣляя положенныхъ въ основу ея партійныхъ доктринъ, тѣмъ не менѣе привѣтствовали ее, потому что чувствовали глубокое нерасположеніе ко всякимъ формамъ внѣшнихъ ограниченій и стѣсненій. Горячее желаніе народа принудительныхъ мѣръ для искорененія пьянства они объясняли простымъ недоразумѣніемъ—неумѣньемъ его разобраться въ сложной зависимости алкоголизма отъ факторовъ экономическихъ и культурныхъ. Они игнорировали примѣръ другихъ странъ, гдѣ культурныя формы жизни не мѣшали пышному расцвѣту алкоголизма, правда, въ болѣе приличной, но зато болѣе трудной для излеченія формѣ и гдѣ, несмотря на полную возможность свобод-

ной и широкой трезвеннической пропаганды, дѣятели трезвости вынуждены были сильно разочароваться въ плодотворности проповѣди личнаго воздержанія и предпочитали путь законодательнаго вмѣшательства, съ примѣненіемъ къ виноторговлѣ суровыхъ ограниченій, какъ переходной мѣрѣ къ полному запрещенію продажи спиртныхъ напитковъ. Забывался, наконецъ, и нашъ собственный опытъ, который показываетъ, что повышеніе достатка населенія въ урожайные годы всегда влекло за собою не сокращеніе пьянства, какъ этого слѣдовало ожидать, согласно экономической теоріи, а, наоборотъ, усиленіе его.

Но вотъ неожиданно наша родина очутилась предъ лицомъ страшной войны, которая потребовала огромнаго напряженія народныхъ силъ, бодраго и трезваго самочувствія, соотвѣтствующаго глубокой серьезности момента. Нужно было устранить алкоголь, ослабляющій народную мощь, и совершилось то, чего такъ давно тщетно желалъ народъ—издано распоряженіе о прекращеніи всякой питейной торговли.

Мы уже знаемъ, какіе поразительные результаты принесла съ собою эта мѣра. Теперь ясно, насколько былъ правъ незабвенный Михаилъ Дмитріевичъ Челышовъ, выдвигая мысль о необходимости для народнаго оздоровленія прежде всего самаго рѣшительнаго похода противъ кабака. «Мнѣ хочется взглянуть впередъ, пророчески восклицалъ онъ въ своей рѣчи 23 февраля 1914 года къ рабочимъ, къ чему отрезвленіе русскаго народа приведетъ Россію. Прежде всего, съ оздоровленіемъ народа, у него заговоритъ совѣсть, проснется стыдъ, будетъ жажда религіозности. Преступленія прекратятся, полиціи убавится работы, судъ замолчитъ, тюрьмы опустѣютъ, палачамъ не будетъ работы, кладбища не будутъ расширяться... Когда народъ физически оздоровѣетъ, переродится къ лучшему, трудъ его станетъ производительнѣе, и за свой хорошій трудъ онъ сумѣетъ получить хорошую плату. Отъ хорошаго труда, отъ производительной работы хозяйственное благосостояніе народа поднимется. Только при хозяйственномъ достаткѣ можно мечтать о поднятіи культуры, ибо при бѣдности никакой культуры не можетъ быть, бѣдность толкаетъ на преступленія».

Мы видимъ, что это пророчество сбылось полностью. Послѣдствія запрещенія питейной торговли оказались даже ярче, чѣмъ онъ рисовалъ.

Прекратился «спой» народа, какъ онъ выражался, и народъ, на котораго свалилось сразу много серьезныхъ бѣдъ—война, неурожай и дороговизна,—не только не поддался имъ, но даже замѣтно улучшилъ свое экономическое положеніе въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ трезвости. Одно «голое» запрещеніе уже рѣзко измѣнило мо-

ральный обликъ деревни и благопріятствовало подъему духовныхъ интересовъ народа.

Казалось бы, что теперь уже не должно оставаться сомнѣній въ грандіозномъ значеніи запретительной системы, что нужно было сознаться въ ошибочности прежнихъ предвзятыхъ доктринъ и въ основу дальнѣйшихъ усилій по искорененію алкоголизма положить сохраненіе запрета во всей его чистотѣ. Нужно было укрѣплять въ обществѣ сознаніе глубокой важности этой мѣры, возбуждать къ ней симпатіи, вѣру въ возможность поддержанія ея, внимательно изслѣдовать всѣ тѣ лазейки, черезъ которыя проникаютъ еще старыя привычки, и изыскивать средства для устраненія ихъ, будить въ обществѣ стремленіе къ самооборонѣ противъ нарушеній трезвости, чтобы закрѣпить и углубить значеніе и силу объявленнаго запрета.

Но, къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи общественная работа идетъ очень слабо. Причинъ этого печальнаго явленія, конечно, много; но среди нихъ самая существенная, по нашему мнѣнію, это та, что до сихъ поръ мы еще не можемъ отказаться отъ прежнихъ своихъ неправильныхъ взглядовъ на способы леченія деревенскаго пьянства и не въ состояніи проникнуться правдивостью народнаго голоса: «вѣрьте, что мы можемъ обойтись безъ пьянаго зелья, а потому держите подъ семью печатями зеленаго змія и наша жизнь оздоровится». Жизнь уже дала блестящія доказательства народной правоты.

Защитники предвзятыхъ теорій приписываютъ успѣхъ трезвости не силѣ народнаго тяготѣнія къ ней, а случайнымъ обстоятельствамъ военнаго момента, который создалъ исключительный подъемъ настроенія, готовность на жертвы въ годину народныхъ испытаній ради національнаго самосохраненія. Несомнѣнно, война властно продиктовала необходимость введенія запретительной системы, но та легкость, съ которой она осуществлена, ея поразительные успѣхи и популярность въ деревнѣ, грандіозныя послѣдствія для народнаго быта, конечно, могли имѣть мѣсто только потому, что идея запрета уже давно была близка народному сознанію и вынашивалась въ тайникахъ народной души.

Не нужно забывать, что акту 16 іюля 1914 года предшествовала могучая волна трезвеннаго движенія, которая, захвативъ деревню, вызвала массовое составленіе сельскими обществами приговоровъ о закрытіи мѣстъ продажи питей. Такимъ образомъ народное стремленіе къ отрезвленію ярко выявилось еще до войны, какъ только Высочайшій рескриптъ 30 января 1914 года открылъ двери для широкой общественной работы по борьбѣ съ пьянствомъ. Напрасно нѣкоторые публицисты [1]) видѣли въ этомъ движеніи лишь «казенно-

[1]) См. Провинціальное обозрѣніе—Вѣст. Евр. № 7—1914 г.

трезвенную шумиху» и считали запретительные крестьянскіе приговоры результатомъ казенныхъ циркуляровъ, плодомъ «ошеломительной пассивности населенія», привычки повиноваться начальству сначала за страхъ, а потомъ и за совѣсть. Административное воздѣйствіе, въ результатѣ котораго явились потоки приговоровъ, играло роль не начальническаго приказа въ глазахъ народа, а явнаго свидѣтельства, что правительство отнынѣ твердо рѣшило отказаться отъ прежней питейной политики и пойдетъ навстрѣчу народнымъ желаніямъ устранить кабацкое засилье. Если исконная связь нашего государственнаго бюджета съ народнымъ пьянствомъ парализовала охоту бороться съ кабакомъ даже среди интеллигентной части общества, то можно ли было требовать отъ темныхъ народныхъ массъ активныхъ, по собственной иниціативѣ, выступленій противъ государственнаго герба на бутылкѣ съ водкой? Эти выступленія стали возможны лишь послѣ того, когда земскіе начальники оповѣстили о новомъ курсѣ и помогли населенію освоиться съ нимъ.

Но если устраненіе спиртныхъ напитковъ дѣйствительно соотвѣтствовало скрытому тяготѣнію народа къ трезвости, то чѣмъ объяснить наличность искательства опьяняющихъ средствъ, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинаетъ принимать въ послѣднее время уже угрожающіе размѣры для судьбы трезвости?

Въ первые мѣсяцы запрета случаевъ нарушеній вынужденнаго воздержанія было мало, какъ мы видѣли при разсмотрѣніи земскихъ анкетъ: народъ доказалъ свою способность быть трезвымъ. Но затѣмъ волна нарушеній начинаетъ расти чуть не повсемѣстно, судя по отдѣльнымъ сообщеніямъ печати. Старыя привычки ищутъ бреши въ запретительной системѣ и таковыхъ оказывается немало.

Мы уже отмѣчали существенный недостатокъ системы, это—право домашняго приготовленія бродильныхъ напитковъ, независимо отъ ихъ крѣпости, для собственнаго употребленія. Есть и другія. Невозможно, конечно, сразу создать такую стройную систему, которая обезпечила бы всѣ лазейки для обхода ея; тѣмъ болѣе что намъ приходится производить безпримѣрный въ исторіи опытъ, прокладывать совершенно новые пути насажденія трезвости. Рѣшить эту сложную задачу одними административными усиліями нельзя; требуется энергичное сотрудничество и содѣйствіе общественныхъ силъ. Но для этого необходимо, чтобы общество прониклось мыслью о грандіозной важности сохраненія и упроченія запрета, чтобы заботу объ этомъ не возлагало всецѣло на административныя учрежденія, а считало и своимъ гражданскимъ долгомъ.

б) Культурныя мѣры.

Затѣмъ, помимо чисто принудительныхъ мѣръ, должны быть выдвинуты и другія мѣры укрѣпленія трезвеннаго народнаго настроенія.

Мы говорили, что съ изъятіемъ водки родились въ деревнѣ новые запросы, усилилась тяга къ болѣе осмысленному существованію: проявилась жажда къ труду, стремленіе къ улучшенію обстановки своей жизни, къ знанію, разумнымъ развлеченіямъ, поднялся интересъ къ религіи, общественной жизни. Необходимо пойти навстрѣчу этимъ запросамъ, чтобы народъ вкусилъ сладость новыхъ своихъ переживаній и еще рѣшительнѣе всталъ на трезвую стезю, порвавъ свои связи съ печальнымъ прошлымъ.

Во всѣхъ земскихъ анкетахъ мы встрѣчаемъ, наряду съ общимъ настойчивымъ пожеланіемъ прежде всего сохранить запретъ, отдѣльныя указанія корреспондентовъ на важность и культурно-просвѣтительныхъ мѣропріятій для укрѣпленія трезвости. Болѣе рѣшительно выдвигаются эти мѣры Екатеринославскими корреспондентами, изъ которыхъ 44% подчеркиваютъ, что безъ нихъ одно голое запрещеніе не поможетъ искорененію охоты и привычки къ вину. На первый планъ они ставятъ устройство читаленъ и библіотекъ, затѣмъ лекціи, публичныя чтенія и бесѣды, потомъ народные дома, кинематографы, общественныя чайныя и наконецъ спектакли, концерты и театры.

«Народъ увидѣлъ свѣтъ, который закрывала отъ него водка», какъ выражаются земскіе корреспонденты. Передъ его взоромъ уже начинаются вырисовываться свѣтлые горизонты, онъ тянется къ нимъ. Важно показать ему, что это не миражи, не несбыточныя мечтанія, а реальныя послѣдствія отрезвленія. Надо помочь ему перейти въ эту новую чистую атмосферу разумнаго бытія, свободную отъ алкогольныхъ паровъ.

Задача огромная по своему значенію. Но для рѣшенія ея нужно создать извѣстную организацію и изыскать средства.

X.

Участіе общества въ работѣ по укрѣпленію трезвости.

Неудачный опытъ съ Попечительствами о народной трезвости показалъ, что административный путь въ данномъ случаѣ непригоденъ; нужно призвать общественныя силы и имъ поручить работу объ укрѣпленіи трезвости.

Давно уже возникла мысль о передачѣ этого дѣла вѣдѣнію земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій. Можетъ быть, эта мысль и правильная, но только она еще не опредѣляетъ организаціи этого большого дѣла. Земскія и городскія учрежденія, обслуживая многообразныя мѣстныя нужды, могли бы принять на себя заботу объ удовлетвореніи запросовъ населенія, родившихся со времени войны и трезвости, тѣмъ болѣе что въ этомъ направленіи уже налажена у нихъ работа; пришлось бы только увеличить масштабъ ея и нѣсколько расширить программу.

Но не нужно забывать, что задачи укрѣпленія трезвости далеко не ограничиваются культурно-просвѣтительнымъ строительствомъ, а должны имѣть въ виду прежде всего расчистку почвы для него. Народная нива еще загрязнена пьянымъ мусоромъ и его нужно убрать, чтобы онъ не заглушалъ молодыхъ всходовъ. Необходимо въ основу программы положить всемѣрное содѣйствіе поддержанію запрета, широкую агитаціонную работу въ этомъ направленіи, чтобы вызвать въ населеніи стремленіе къ самозащитѣ противъ отдѣльныхъ попытокъ возродить прежнее пьянство.

Затѣмъ, наряду съ земствами и городскими самоуправленіями, общественная работа ведется въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ отдѣльными организаціями, которыя, вслѣдствіе своей разобщенности, недостатка средствъ, къ сожалѣнію, не могутъ развить шире своей дѣятельности. Многія изъ этихъ организацій преслѣдуютъ и чисто трезвенныя задачи.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, казалось бы, цѣлесообразнѣе построить планъ работы по укрѣпленію трезвости на объединеніи какъ всѣхъ существующихъ общественныхъ ячеекъ, такъ и вновь возникающихъ въ общій союзъ, дѣйствующій самостоятельно, но стоящій въ извѣстной связи съ органами мѣстнаго самоуправленія и объединенный общею задачею охраны народной трезвости. Участіе въ такомъ союзѣ возможно для крайне различныхъ по характеру своей работы организацій: какъ религіозно-нравственныхъ и просвѣтительныхъ, такъ и хозяйственно-экономическихъ, кредитныхъ, благотворительныхъ, наконецъ увеселительныхъ, спортивныхъ и пр. Всѣ онѣ, обслуживая различные запросы населенія, громко заявляющіе о себѣ въ настоящее время, и давая разумный исходъ пробуждающейся народной энергіи, тѣмъ самымъ поддерживаютъ трезвенное настроеніе и здоровое самочувствіе. Съ другой стороны, всѣ онѣ должны ясно видѣть, что народное отрезвленіе, явившееся результатомъ запрета, оказалось могучимъ средствомъ для выявленія и мощнаго развитія народныхъ силъ, а потому и лучшимъ залогомъ успѣшности работы всякихъ организацій на пользу народа. Исходя изъ этой мысли, онѣ не могутъ не положить въ основу своей программы настойчивую пропаганду идеи трезвости и всемѣрное содѣйствіе сохраненію запрета. Наличность этой задачи и должна явиться тѣмъ цементомъ, который свяжетъ всѣ ячейки въ единый союзъ; она придастъ ихъ работѣ общегосударственное значеніе и тѣмъ самымъ обезпечитъ право на полученіе матеріальной поддержки изъ средствъ казны.

Въ послѣднее время земскія учрежденія остановились на планѣ организаціи сѣти народныхъ домовъ, съ цѣлью удовлетворенія различныхъ запросовъ населенія, въ связи съ наступившею трезвостью. Былъ выработанъ нормальный типъ помѣщеній такихъ домовъ, на-

мѣчены учрежденія, которымъ онъ долженъ давать пріютъ, опредѣленъ порядокъ завѣдыванія ими и пр. Эта мысль начала уже осуществляться и всюду встрѣтила полное сочувствіе. Ее, повидимому, предполагалось положить въ основу и при составленіи правительственнаго проекта мѣропріятій по укрѣпленію трезвости.

Воздвигнуть обширныя и удобныя зданія, чтобы помѣстить ютящіяся по разнымъ угламъ общественныя организаціи—мысль, безспорно, прекрасная; но чтобы создать достаточно густую сѣть подобныхъ домовъ, дабы обслужить ими по возможности все населеніе, потребовались бы колоссальныя средства, которыхъ нѣтъ. Эти дома нужны, какъ цѣнные оазисы, какъ культурныя показательныя станціи, но на нихъ нельзя обосновать программы государственныхъ мѣропріятій, которая не можетъ задаваться цѣлью созданія рѣдкихъ счастливыхъ уголковъ, а должна охватить интересы массъ всей территоріи страны.

Кромѣ того, едва ли цѣлесообразно создавать какой-либо шаблонъ для учрежденій, преслѣдующихъ задачи трезвости, намѣчать тотъ или иной характеръ ихъ работы. Среди многообразныхъ нарождающихся народныхъ запросовъ трудно дѣлать выборъ и рѣшать, напр., важнѣе ли удовлетворять спросъ на книгу и газету или утолять жажду къ труду и улучшенію хозяйственнаго быта. И то и другое существенно, и то и другое съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ вести къ разумному заполненію народнаго досуга и упроченію трезвеннаго настроенія. Пусть выборъ диктуется самою жизнью, т. е. особенностями мѣстныхъ условій и склонностями данныхъ общественныхъ силъ къ той или иной работѣ, а не намѣчается наперед. Тамъ, гдѣ имѣется благопріятная почва для извѣстнаго кустарнаго промысла, насажденіе и развитіе его можетъ принести неизмѣримо большіе плоды, чѣмъ устройство, напр., народныхъ чтеній или народнаго театра и пр. Деревенскій театръ—прекрасная затѣя, но она посильна лишь для лицъ, любящихъ театральное дѣло и знакомыхъ съ техникой его. Образовательный кинематографъ—могучее просвѣтительное средство, но его удается организовать только при наличности многихъ условій, и потому онъ оказывается рѣдкимъ явленіемъ. Даже простое, на первый взглядъ, дѣло, какъ устройство народныхъ чайныхъ, но и оно находится въ очень тѣсной зависимости отъ личныхъ способностей устроителей и далеко не вездѣ можетъ быть поставлено хорошо. А вотъ въ Симбирской губерніи г-жа Сѣрова сумѣла организовать деревенскую оперную труппу и тѣмъ самымъ далеко вышла изъ сферы обычныхъ требованій, предъявляемыхъ къ народнымъ развлеченіямъ. Въ Пермской губ. г. Городцовъ также ставитъ народныя оперы и организаціей народныхъ хоровъ оказываетъ могучую поддержку дѣлу трезвости.

Вообще вопросъ о силахъ, способныхъ къ общественной работѣ на мѣстахъ,—вопросъ очень существенный и потому заранѣе проектировать учрежденія, да еще съ широкими заданіями, рискованно. Гораздо цѣлесообразнѣе начать съ объединенія имѣющихся организацій и вызвать къ жизни новыя, хотя бы современнаго мелкаго типа. Распыливъ между ними правительственную субсидію и связавъ ихъ единствомъ мысли о поддержаніи трезвости, удастся создать обширную сѣть мелкихъ ячеекъ, сплотивъ многочисленныя общественныя силы на дружную борьбу съ остатками нашего пьянаго недуга и на содѣйствіе разностороннему развитію народныхъ силъ. Въ результатѣ такого объединенія, несомнѣнно, явятся впослѣдствіи и народные дома, а можетъ быть, и учрежденія другого типа, съ еще болѣе широкими задачами, но пусть это будетъ плодомъ естественнаго роста общественной самодѣятельности.

Принципъ сотрудничества свободно дѣйствующихъ общественныхъ силъ не только представитъ лучшую гарантію успѣха работы по укрѣпленію трезвости, но и обезпечитъ возможность изысканія необходимыхъ для этого средствъ.

При настоящихъ тяжелыхъ финансовыхъ обстоятельствахъ государственнаго казначейства, едва ли можно ждать крупныхъ ассигнованій на дѣло насажденія трезвости, хотя оно имѣетъ серьезное общегосударственное значеніе. Но средства нужны, а потому приходится разсчитывать только на спеціальный трезвенный внутренній заемъ. Успѣху его могло бы сильно содѣйствовать само общество, которое въ настоящее время горитъ желаніемъ развить шире культурную работу для народа.

Нужно только объявить мобилизацію общественныхъ силъ, предоставить имъ возможность сплотиться въ мощную армію, которая окончательно одолѣетъ нашего исконнаго внутренняго врага—пьянство и укажетъ народу пути для строительства новой осмысленной жизни на здоровыхъ трезвыхъ началахъ.

Побѣда возможна теперь или никогда.

Инв 33441
Сам. Губ. Цент. Биб-ка
им. „Октябрьск. революции"

١٣٣٤٤

СРЕДНЕ-ВОЛЖСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
№
(единой области)
БИБЛИОТЕКА

Цѣна 25 коп.

Можно получать, 7—9 в., въ Русск. Общ. охран. народн. здравія — Демидовъ, 5, Петроградъ.